

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1925
№ 18

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

К КОНКУРСУ „СМЕНЫ“ НА ВЫТОВОЙ РАССКАЗ

Товарищи участники конкурса! Начата работа по разбору присланных рассказов.

Жюри, приступившее к работе, состоит из следующих товарищей:

1. Михаил Голыдин — комсомольский поэт, член группы „Перевал“.
2. Марк Колосов — комсомольский писатель, ответств. секретарь группы писателей „Молодая Гвардия“.
3. Юрий Либединский — пролетарский писатель, ответственный секретарь В. А. П. П.
7. Михаил Юри — пролетарский поэт, завлитотделом журнала рабочей молодежи „СМЕНА“.

4. Георгий Никифоров — пролетарский писатель.
5. Р. Роман — секретарь М. А. П. П. пролетарский писатель.
6. Иосиф Уткин — комсомольский поэт, работник литературно-художественного отдела „Комсомольской Правды“.

Результаты конкурса в номере 20-м „СМЕНЫ“.

Дальнейший прием рассказов прекращен.

РЕДАКЦИЯ

Почтовый ящик

Прыткову (Харьков). — Не пойдя. Не нужно так вычурно писать, надо проще, повиннее. Тема второго рассказа интересна, но разработана плохо. Прислала очерки.

Нироманзину (Москва). — Не пойдя. Читая побольше стихов, печатая у нас и в других журналах.

Хомутецкому (Владикавказ). — Кроме того, что твои стихи слабы с точки зрения художественной, они еще и тому же и неграмотны. Вот, например, строки: „Как будто не знает устатку она, ракет перед ней vapiros горя“. Папировос неверно грамматически; надо сказать папировос. Или: „Среди папировос перестал он курить“.

„Любимый журнал его „СМЕНУ“ читать, Анкету в ящичку уж хочет подать, Всеми же тому комсомолка верно, В красной повязке, как алая звезда“.

Это просто не по русски. Нельзя даже понять, что ты хочешь сказать. Получается так, что парень перестал читать „любимый журнал“ „Смену“.

Поместить таких стихов мы не можем. Тебе надо учиться и в первую голову по общеобразовательным предметам.

Гаттунену (деревня Гизлово). — Не пойдя. Читая стихи; писать само успешнее. Твой очерк ничего не дает. Описывая окружающую тебя жизнь, надо уметь выбрать наиболее характерное. Прислал еще заметки или очерки.

Антонову (Ленинград). — Рассказ не пойдя. Интересно славянская тема разработана небрежно, и там, где нужно было развить весь путь Матки от отчаяния и нищеты к картам и краже, где нужно было показать, как же все-таки все это улаживалось с его охотой работать, стать в очередь, ты отделился несколькими фразами. Описательная же сторона у тебя вычужена. Из твоих рассказов, при работе над ними, может выйти толк.

Александрову Скворцову. — Не пойдя. Нужно больше работать над рассказами. Тема твоего рассказа интересна, но выполнение очень слабое. Прислал еще бытовые очерки, рассказы, картинки быта.

Мухавину. — Твой рассказ переслан в журнал „Крестьянская Молодежь“.

Не в силу (Вологда). — Из присланных твоему стих. „Летний день“ лучшее, но поэты все же не может. Стихи более или менее гладкие, но, благодаря некоторой вязкости, они не производят должного впечатления, не оставляют следа. Надо крепче писать, и во внешнюю отдалке тебе надо работать тщательнее. Прислал еще.

Шнаеру (Москва). — Стихи не пойдя: лучшим ответом тебе будут стихи из твоих же стихов: „Много силы, много воли и умения надо мне, Уметь читать в помянут чужие хорошие стихи. Писать тебе степи, но без тебеб ничего не выйдет“.

Разволоскому (Полтавск). — Материала надо прислать в таком виде, чтобы его можно было прочесть. Нельзя так небрежно и невнимательно писать, если хочешь, чтобы тебя прочли и ответили.

Паромонову (Нижегн-Новгород). — Вопрос, поднятый в Вашей статье, разрабатывается сейчас одним из наших сотрудников в ближайшее время в „Смене“ пойдя статья на эту тему. Ваша статья будет использована.

А. Ракову (Москва). — Начементировать, но писать и особенно читать тебе нужно. Прислал еще, а еще лучше зайдя сам в редакцию.

Савову (Добласс) — Стихи славы, печатать нельзя, прислал заметки или очерки.

А. Горскому. — Не пойдя. Больше читай; тебе еще нехолодно 2 — 3 строчки. Будешь больше работать над стихом, может получиться неплохо.

Черняеву (Ташкент) — Прислал лучше очерки или заметки. Стихи не годятся.

В. Козлову, Ленину, Эм. Слободкину, Максимуеву, В. Лавочкину, И. Маркину, Славину, Бойко, Захару Мезюмю, Гальперину, Ю. Кеннигу, С. Прохому. — Не пойдя. Никитину — Киев, Каряину — Белоруссия, Бажескину — Краишта, Г. Смирнову, Д. Ватянецову — Вятка — отосланы письма.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Я, как подписчик „Смены“, хочу указать на один из ее недостатков: почему в „Смене“ не помещаются художественные картины известных художников, как напр. в „Красной Ниве“?

Я вновь предложение помещать снимки с художественных картин. Рабочая молодежь провинции лишена возможности видеть их в картинной галереи, Москвы или Ленинграда. Так как журнал печатается на плотной хорошей бумаге, то этой страницей не представляется затруднений.

ОТ РЕДАКЦИИ. Твое предложение, товарищ, редакцией принимается. Очень хорошо, что ты не только читаешь журнал, но думаешь о его недостатках, стремишься к его улучшению. Приходится жалеть о том, что наши подписчики так редко подают稿件. Об этом мы уже писали, но, по возможности, напоминай лишней раз нашему подписчику, что улучшение журнала не только дело редакции, но и читателя — не мешай.

В данном случае, например, внесено предложение, вполне правильное, и оно будет в ближайшее время рассмотрено в жюри.

А сколько таких мнений, сколько может быть не менее резонных предложений, могло бы быть сделано, если бы ребята, читающие „Смену“, проявили хотя бы немного активности. Читатель „Смены“, близя к „Смене“, поговорим мы снова и снова.

СОДЕРЖАНИЕ: Н. ЛЕНИН — О значении первой революции. А. ЛУНАЧАРСКИЙ — Очерковая Эстония. А. КИВИКАС — Мать (рассказ). Э. АДО — Два брата (рассказ). М. ПЛАТОШКИН — Махарка (рассказ). П. МИТИНСКИЙ — По заводскому уралу (очерк). Фоме-Лазина «СМЕНЫ». В. САЯНОВ — Стихи. В. ТЫМИНСКИЙ. — Комсомольцы. В. АЛЕКСАНДРОВ — О кинге. В. ГАРАКАНОВ. — Клуб и жизнь. Смирнов Южурот. Н. ГЛОБА — МИХАЙЛЕНКО. — Письма будущего. В. ЯКОВЛЕВИЧ. — Ровина соли. В. МУРАВЕВИЧ. — Лыстала. РОМАН — Шкворцы в отпуску (очерк). — Новости науки и техники. — Ребусы, шарды и загадки. — Почтовый ящик. — Письма в редакцию.

Обложка работы художника ПОКАРЖЕВСКОГО

Иллюстрации художников: ЛИБГАРД, Д. МЕЛЬНИКОВА, К. УРЬЕТИС, УСОВА и др.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: А. Горлов, Л. Колесников, С. Соболев, С. Федоров, Д. Ханнин.

Отв. редактор Л. КОЛЕСНИКОВ.

«СМЕНА»

приложение к газетам:

- 1) «МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ» — орган Московского К-та РЛКСМ.
- 2) «НА СМЕНУ» — орган Уралбюро Центрального К-та РЛКСМ.
- 3) «МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ» — орган Центрального К-та ЛКСМУ.
- 4) «МОЛОДОЙ ШАТЕР» — орган Донецкого Губкома ЛКСМУ.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
О Р А НЦентрального и Московского Комитетов Р.Л.К.С.М.
Из-во «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».

ПОДПИСКА ПЛРТА

на 1925 год.

На 1 мес. — 24 ном.	5 руб. 00 коп.
— 6 мес. — 12	2 . 75 . .
— 3	1 . 50 . .

РЕДАКЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ:

Москва, Новая Платонка, д. 4/7. Тел. 1-49-13.
Руководящий редактор: Козырицкий

О ЗНАЧЕНИИ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(К ЮБИЛЕЮ 1905-го ГОДА)

... БЕЗ ТРЕХ лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 г.г. была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее начального этапа в несколько дней, вторая революция. Первая (1905 г.) глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу — и всему миру — все классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей. Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907—1914 г.г.) обнажила всю суть царской монархии, довела ее до „последней черты“, рас-

крыла всю ее гнилость, гнусность, вescизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых — этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, этих „первых среди равных“ помещиков, владеющих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения своей и своего класса „священной собственности“.

Без революции 1905—1907 годов, без контр-революции 1907—1914 годов невозможно было бы такое точное „самоопределение“ всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношений этих классов друг к другу и к царской монархии,

которое проявилось в восемь дней февральско-мартовской революции 1917 г.

Эта восьмидневная революция была, если возмозительно так метафорически ¹⁾ выразиться, „разыграна“ точно после десятка главных и второстепенных репетиций; „актеры“ знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттока политических направлений и приемов действия...

Н. Ленин

(Из ст. „Первый этап русской революции“, „Правда“ 1917 г. 21 и 22/III. Собрание сочинений, т. XIV, ч. 1).

¹⁾ Образно.

Картина С. М. Карлова «Раздача оружия» — в выставке АХРР 1924 г.

ОКРОВАВЛЕННАЯ ЭСТОНИЯ *)

Статья А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ЕЩЕ ДО периода империализма, а тем более с его вынужден, типичные отечества создавались таким образом: более или менее крупное государство, проливая несчетно кровь своих подданных и своих соседей, захватывало столько земель и столько данников, сколько могло. Остаивались завоевательные устремления государства только там, где находились достояния государства. В ряде бессмысленных войн проводилась шаткая граница, и все, что оказывалось по другую сторону границы, например, хищнической царской России, должно было считаться великим отечеством, родной живущих в ней работ.

Но, не в дурные царя в результате неудачной войны, роста капитализма, высокой сознательности и закаленного революционного мужества пролетариата, в четверть - вековой борьбе выкованного себе коммунистическую партию, испытывая впервые подлинная народная революция, с е. т. в. в. которая под руководством пролетариата устремляется к действительному освобождению трудящихся масс без различия национальностей, к действительному всеобщему и дружному устройству организации разумного сотрудничества и созданию достойную человека, жизнь. Это благодушный пожар, вызывающий ужас и злобу у насильников, восторг и надежду у угнетенных, разрастается из центров и охватывает все империи. Окружающий темный мир хищников сопротивляется. Прежде всего оно, конечно, пытается затупить революцион. И пожар в самых очагах его, но не может достигнуть этого. Тогда он поддерживает хищнические классы на всех окраинах. Идет борьба на этот раз между кругом революционного света и окружающей его тьмой. Это далеко не правый трепещу, то он посылает князя света, побояние солнечным протуберанцам в окружающую тьму, то, наоборот—там вырывается в него углем. Времене эта борьба закончилась в пользу великого Союза Советских Социалистических Республик образовалось коалиция классов стран, где, благодаря поддержке крупных

хищников Западной Европы, удалось удержаться буржуазии.

Эта буржуазия, во-первых, страшно испугана, она не имеет времени для своего выпрашивания, она на страшного соседа, она считалась из своих четырех лап в полуразрушенное тело собственного народа и боится, как бы судорога его не сбросила внезапно их эфемерную власть. Чувствуя себя непрочно и вся преспоплевывая злобу бы за эту буржуазия этих мелких стран особенно жестока, бессмысленна в своей козметической политике, хочет воспользоваться оставшимися (в дачия и складка но всякому миру во время чумы.

Большинство этих мелких государств не могут быть включенными в то же время в какую-нибудь другую государственную систему. Это не страна, это какие-то клочки земли, это не свободные нации в Европе Белоруссии и Грузии, которые входят в Союз молодых народов, это именно лохмотья, обрывки земли, отданные на поток и разграбление дряхлеющей от ненависти и страха князе без прошлого и без будущего. Ничего, кроме разорения, ничего, кроме грабежа под видом налаговой политики, ничего, кроме культурного одианья.

А пролетариат этой стран, как это показывает несчастная Эстония, что благодаря энергичной, пламенной пролетариат выдлет так быстро счастье, оно является таким возможным, так бросятся в глаза эта ужасная нелепость жить под властностью своей буржуазии, когда, можно сказать, охраняемая Красной армией братия. И когда отбегные зверства и несправедливости буржуазии начинают бичевать тело пролетариата как это было в Эстонии, он судорожно выпрямляется, он делает отчаянное усилие пробиться туда, пробиться к свету, который сияет всего в нескольких верстах.

Увы, граница, отделяющая Союз от хищной мировой буржуазии, создана пока прочно. Она представляет собою сейчас естественный вывод из

состояния сил, и отчаянные, священные усилия пролетариата, пока несильные, пока несчетные, которые он продолжает в своей эстонской борьбе, навешают на него только несмелую зверскую расправу. Не проходило года в Эстонии, когда бы на голову лучших пролетариев не обрушилась немолчаливая расправа. Расправа по поводу последнего восстания превзошла все. И если страдания, чиняя, как мелкий эстонский буржуазин, этот взбесившийся от страха карлик вынесет кашину в тело своего народа, то, с другой стороны, возмущет сердце этот изумительный, являя в своем лучшем образе пролетарского героизма подвиг, с которым эстонские товарищи встречают зверскую расправу.

Что может быть волнения читать о сечах, происходивших на суа? Привластелья сборник весь донос такими судорогами возмущения, обласками пожаров. Его страдания поистине охватывали. Когда пролетарский писатель или писатель, одно время бывший близким к пролетариату, как Гиньяк, берет за перо, его перо словно омочено в рамы борцов и мучеников.

Не жалеет сборника пролетарских писателей собранного в Эстонии, сходства с музеем ассирийских и египетских. В сердце пролетариата много радостей, много жажды счастья, но в Эстонии эти цветы еще не расцветают, в Эстонии расцветают только метели, они выросли от ветра, от метелей, которые срываются с уст эстонских публицистов и поэтов, вы услышите и биение их железного сердца, и вы никогда не поверите, читатель, аргумент, что эта страна никогда будет обездолена, вы почувствуете, что колоколушая в недрах малейшей Эстонии горячая душа пролетарского гнева, великая жажда свободы сможет вырваться когда-нибудь таким извержением, которое испепелит мелкий гнивец, колошащихся сейчас на окровавленной почве покоренной земли.

М Т Б

Рассказ АЛЬБЕРТА КИВИКАСА, ваяльстр. ЛИБГАРД

ПЕРЕД СПЯЩИМ маном, где помещался штаб батальона, часовой прикладом винтовки постукивал по заблудившим в сапогах ногам и нелепо приплясывал на оконечных пальцах в хрустящем снегу. Его беспокойные глаза протекторами всматривались в окружающее, уши ловили мельчайшие звуки в воздухе.

Карательное время часового уже стало подходить к концу, когда дежурному офицеру от капитана принесли чрезвычайное задание.

Дежурный читал текст, написанный карандашом на листке карманной книжки, и когда был уже на дворе, сердито выругался. Грубая брань долго раздавалась в морозной и темной ночи, как кашель из чешущегося горла большой сапом лошади.

По приказанию дежурного часового встал из роты пять человек, офицер выкрикнул им сердито слова команды, и пошел.

Какой-то человек был им проводником.

Снег скрипел под ногами, мороз трещал в кровлях, стенах, жерлах заборов и, как ножом, врезался в одежду,

сверлом забирался в рот и нос при дыхании, покрыл инеем мигающие веки, жестоко давил пальцы рук и ног и превращал выдыхаемый пар в туман, льдом покрывавший волосы и жесткую шинель. Мерзлая винтовка при прикосновении к цевке, жгла, точно раскаленное железо, и жадно отрывала кожу. Ругань плевали роты солдат в скрипящий снег.

Они пришли к развалившейся избенке на другом конце деревни.

Солдаты остановились перед низенькой дверью избы, и офицер громко постучал рукояткой сабли в дверную доску.

Никого не отута.

Офицер постучал снова, но уж так, что защелка двери и стекла в окнах заребезжали. Изнутри послышался шорох — и испуганный голос женщины спросил:

— Кто там?

— Откройте дверь, — злобно крикнул офицер.

Но дверь не отворилась. Офицер постучал ногой, но дверь так и осталась запертой.

Тогда солдаты подняли винтовки и прикладами с размаху ударили по двери. Ветхие доски поддались, и дверь с шумом слетела с петель.

Солдаты вступили через свалившуюся дверь, но в комнате было темно.

— Зажгите огонь.

Один из солдат чиркнул спичкой, увидел керосинку на столе и зажгет фитиль.

При тусклом свете они увидели поспреди комнаты старую женщину, стоявшую перед ними почти голой, в грубой льняной рубаше. Испуг ее, как полемю, хватил по голове. Она глядела на пришельцев своими подслеповатыми от старости глазами, но едва ли она видела суровые лица солдат.

— Говори, где сын? — крикнули ей в лицо.

Но старуха не могла выговорить ни слова. Непонимающими глазами смотрела она на офицера, который толкал ее и сердито рычал:

— Где сын, старуха?

Но когда и на это ответа не последовало, кровь ударила офицера в голову и бешеная ярость отразилась на его лице. Он поднял руку, чтобы рвать старуху за волосы, повернуть ее наземь и топтать ногами, но сдержался. Поднятая для удара рука опустилась. Раздражение смирилось при виде беспомощности старухи.

*) Статья представляет собой предисловие к сборнику эстонских пролетарских писателей.

— Обищите дом,—приказал он солдатам.

Те начали искать, взорвалили все и вслод, разломали двери шкафа, за которыми ничего не было, кроме изношенной потертой юбки—единственного сокровища старушки, прокалывали штыками матрац, на котором и простились не оказалось, а одеяло служила старая солдатская шинель, рыскали по пустому чердаку, пока, наконец, не дошла очередь до комарки от припасов, на полках которой валялись заплесневевшие корочки и полбуханки черствого, сухого хлеба.

Там они нашли искомого.

Они выволокли его к офицеру, но он не ответил ни на один вопрос. Тщетно требовали от него удостоверения личности, у пленника документов не оказалось.

Тогда офицер стал шарить в его карманах и за подкладкой пиджака обнаружил какую-то измятую бумагу.

Он прочел ее и пробормотал про себя: — Так...

Затем повернулся к солдатам и приказал вести пленника в штаб. Те окружили его, и все услыш.

В ИЗБЕ, дверь которой за ушедшими осталась распнутой, осталась одна мать. Она увидела, как сын ее между штыками скрылся в морозной поздней ночи: все это время она была, как сонная, и не могла сообразить, что вокруг нее творилось. Теперь, в одиночестве, происшедшее стало ей медленно уясняться.

Ее сына вели на военный суд.

Это сознание вдруг тупым ножом ударило ей в сердце. Боль понемногу выдавила из глаз слезы. Теплые слезинки капали на замусоренный пол, подслеповатые старушечьи осточившиеся глаза налились слезами, и было тягостно на душе, тягостно, как безнадежность, камнем давящая грудь.

Подойшла к открытой двери, но ушедшие уже скрылись в темноте, она слышала только шаги на скрипучем сугробе, ослабевающие и удаляющиеся.

Когда шаги угасли, ее охватило отчаяние; тяжело и чувство одиночества и покинутости полоснуло ее, как удар кнута, заплесало болью в ее душе.

И она понеслась бегом, как была,— в одной рубашке и босиком. Она не ощущала холода и мороза, потрескивавшего на жерях забора и бревен домов, она не ощущала снега и ледяных осколков, раскалывавших ее босые ступни. Ее дряхлые ноги споткнулись на скользком снегу и она растянулась, но тотчас же снова поднялась из холодного сугроба и побежала дальше, туда, где между штыками вели на смерть ее сына.

Ушедшие были уже далеко, но старая мать, побуждаемая инстинктом любви, бежала, как будто по следам. Несмотря на слабейшие старческие силы, она чуть не догнала их, когда они подошли к штабу. Пленника втокнули в помещение, сами последовали за ним, и дверь захлопнулась.

Старая мать остановилась за окном и тщетно пыталась заглянуть сквозь занавески внутрь помещения.

СУДЬБА пленника решалась весьма быстро. Капитан из офицеров батальона под своим председательством назначил военный суд. Суд просмотрел дело и вынес решение. Обвинение было

ясно, факт,—надежный за подкладкой клочек бумаги,—решил человеческую жизнь. Черными чернилами на белой бумаге написали приговор—смерть через расстреляние.

Военный суд не видел человека, стоящего за окном босиком и в одной рубашке в зимней стуже и в снегу.

Люди с винтовками вывели наружу осужденного, поставили его к стенке, а сами отступили на десять шагов.

— Взд!

Мать видела, как медленно поднимались пять черных дул, и остановились на высоте груди ее сына.

Она вскрикнула, побежала и остановилась перед поднятыми дулами винтовок, загрохавшая своим телом сына от пуля. Но ее за волосы оттащили в сторону и повалили в снег.

— Пли!

Раздался залп и душераздирающий крик.

Это был крик сердца матери, раненной убийством ее сына.

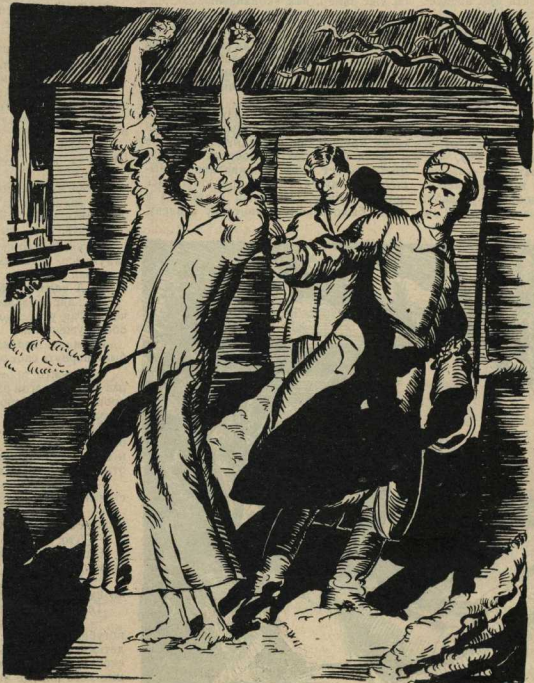
Одним прыжком она очутилась у лежащего в снегу сына и, как подкошенная, свалилась на его окровавленный труп.

И когда ее мозолистые, искривленные от работы, пальцы коснулись его теплой крови, из беззубого старческого рта вырвался вопль:

— Убийцы!

Но стрелявшие уже ушли. На дворе остались только холодный снег расстрелянным и дряхлой матерью над ним, седые, поредевшие от старости волосы которой окрасились красной теплой кровью сына.

НА РАССВЕТЕ ходивший у штаба часовой остановился перед двумя трупами. Это были — расстрелянный и его босяя, в одной рубашке, старуха-мать. Ее седые, поредевшие волосы примерзли к вытекшей из ран крови сына, и часовой увидел, что в этих волосах находились лишь половинки кривых шпилек, с которых краска давно стерлась и сменялась ржавчиной. А в глазах матери, опущенных заливевшими ресницами, светились прозрачные замерзшие слезинки.

Но ее за волосы оттащили в сторону.

ДВА БРАТА

Рассказ ЭССАРЕ АДО, влжстр. ЛИБГАРД

ОТКУДА-ТО спереди послышался шорох. Ганс приладил винтовку к плечу, просунул голову сквозь куст можжевельника и внимательно оглядел дорожку, изгибом ведущую между горами камней на выгоне к поселку.

Шагах в тридцати от соснового бора начинался густой можжевельник, из которого отдельные сочные ольхи, словно огромные метлы, вздымались к небу своими ветвями. Было еще совсем темно. Небо было подернуто серыми облаками. Лишь маленькая полоска неба на востоке горячо рдела. Стояла тишина. Даже птиц не было слышно. Все казалось пустынным. Кому же тут быть? Одиночные неприятельские часовые в такой дали от своих не стоят. А если в деревне и есть белые, то, наверное, сюда на целую версту они часовых не выставляют. Те охотнее спят в сараях под посылком, чтобы успевать при появлении первого красного стрелка.

И мысли Ганса перешли к воспоминаниям о своих родных.

Что толку отцу и брату от этой войны? Они не считают ее освобождением и продолжают платить откуп помещику. Боятся, чтобы усадьбу не отняли.

Впрочем, что поделаешь с таким братом. Работает дни и ночи напролет; глаза сонные от усталости, тело, руки, ноги ноют. Но рассказы ка ему, что можно бы откуп не платить, — назовет всех разбойниками. Я, мол, не нищий, чтобы даром хотеть приобрести усадьбу. Словно крот, ворочает землю. Сам

сутудил такой, серьезный и сосредоточенный. Еще за долго до рассвета рыщет по двору, будь то зимой или летом. А по вечерам всегда раньше уходит солнце, нежели брат. Даже по ночам не спит: зимой подстерегает зайцев и ловит хорьков, а весной и осенью из помещицкого леса оглобли и прочие принадлежности таскает.

Наверно и сейчас он осторожно прокрадывается по лесу и рубит деревья. А потом вернется по барскому полю такими несовестными ему поспешными шагами. Пробрется напрямик сквозь ольшаник на пастбище, перелезет через забор и, прохода мимо колодца к жилью, с шумом сбросит во двор свою обувь.

Ганс вздрогнул и очутился от раздумья. В первый момент его пронизало жгучее чувство стыда, что он чуть не задремал стоя, а в следующий момент он уже замер, как вкопанный.

Надвигался день. Становилось светло. Шагах в десяти по тропинке к нему приближался человек. Как он похож на брата... Только вместо оглобли в руках у него винтовка с угрожающе торчащими штыком. На нем зачяча папаха и черные овечьи кожанки.

Ганс, пораженный, от изумления широко раскрыл глаза, забывая, что он сюда пришел на разведку. Голова не в силах была сразу сообразить, с кем он тут имеет дело. Машинально он вышел из-за куста и оба вдруг очутились лицом к лицу. Пришелец вздрогнул и хотел было вскинуть винтовку к плечу

по затем, столь же пораженный, устоялся на Ганса.

Минуто они постояли неподвижно. Один с винтовкой на изготовке; другой — с опущенным визз прикладом.

— Как ты, Юган, попал сюда? — воскликнул Ганс.

Теперь и вопрошаемый опустил свою винтовку, но не ответил сразу. Его взгляд скользя по фигуре Ганса, остановился на его винтовке и застыл на красной ленточке, прикрепленной к груди парня.

— Ты у красных? — ответил он вопросом на вопрос.

Теперь только Ганс заметил грязную белую повязку на рукаве нежданного гостя.

— А ты в белой гвардии?

— Я в народной армии, — последовал спокойный ответ.

— Но это, ведь, одно и то же. — Как ты попал к этим бандитам?

— Я добровольец.

В этом ответе уже явно звучала гордость.

— Добровольец! За земли помещиков и фабрики капиталистов!

— Нет. За защиту свободы.

— Но какой же черт тебе сказал, что хочешь отнять твою свободу?

Юган промолчал. Взгляд его упирался в землю.

— Знаешь что, — признался затем Ганс, — я ведь должен захватить тебя в плен.

Юган изумленно вытаращил глаза.

— Захватить в плен... Ты хочешь захватить меня в плен?

— Но, ведь, ты же белогвардеец.

Юган, ошеломленный, на мгновение задумался, а затем быстро оглянулся и сказал:

— А если я тебя захвачу в плен?

Но Ганс оказался проворнее. Раньше, чем Юган успел кончить, он уже стоял обезоруженный.

Пленный сделал движение, — хотел было вернуть свое оружие, но удержался. — Неужто так мы видимся в первый раз после долгой разлуки, — с укоризной произнес он. — Хорошее свидание, нечего сказать.

Ганс не ответил. Перед его взором опять пронеслись картины прошлого и воспоминания детства. Он решительно отмахивался от них.

— Я должен проводить тебя в штаб, — сказал он, наконец, — ступай вперед.

— Для того, чтобы мне там выкалывали глаза и разрывали тело на куски! — Кто тебе это сказал?

Одну минуто Юган молчал в затруднении.

— Но это, ведь, всем известно. Мало ли вы людей искромсали.

Теперь Ганс взбесился.

— А вы поволну рабочего люда погубили вместе с женой и грудными детьми. Повешенные у вас висят по несколько дней в виселице. Скажи, красные кого-нибудь вешали? Ни одной души. Только к расстрелу приговаривают, Мы никого не мучаем.

Ганс прицеливался долго... руки его дрожали...

— Стало быть, меня не повесят, а расстреляют?

— Что там с тобою сделают, этого я не знаю,—уклончиво возразил Ганс.— Это дело командира.

Юган подчинился и они побрели— пленный впереди, конвоир сзади. Отнятая Гансом винтовка висела у него на ремне, своя была в руках. Мрачное смятенное чувство затаялось в груди. Было противно. Слово тошнило.

Какой чорт заставил их так встретиться. Добро бы в бою,—там, ведь, не разбираешь... А тут изволь-ка самому справиться.

Было как-то неловко... Незаметно для себя он прибавил шагу, и оба пошли рядом.

— Что делать, я, ведь, солдат и должен слушаться,—как бы извиняясь заговорил Ганс.

— Наверно, и ты бы не поступил иначе.

Юган искоса взглянул на брата.

— А если я теперь побегу, что тогда?

— Тогда я должен тебя застрелить.

Юган остановился.

— Но ты, ведь, совсем остервел,—произнес он с явным ужасом.

— Все может быть. А вы что делаете? Еще недавно вы так изувечили троих товарищей, что стыдно и говорить. Скажи, у вас хоть один из наших раненых попал в могилу с целою башкою. Знаешь, что я тебе скажу: наша рота поклялась убить всякого попавшегося к нам белогвардейца. Ничне, хотя, из ста двадцати и осталось всего человек двадцать, но слово они сдержат тем более. От нас ни один добровolec в трибунал или в суд не попадет, прямым путем к апостолю Петру. Как хочешь, но я тут сделать ничего не могу.

Ганс провел рукой по лицу, по которому стекал пот. Пленный глядел на него с сомнением и тревогой во взоре.

— Так почему же ты не пристрелишь меня тут же на месте?

— Пленных приказано вести в штаб. Я исполняю приказание.

— И там меня, как добровольца, расстреляют?

Ганс не ответил. Его глаза смотрели мимо Югана в пространство.

— А если я им скажу, что мобилизован. Ведь, тридцать девять лет...

— Как же ты скажешь, когда я знаю.

— И ты бы предал меня?

— Что же делать?

Минуту Юган стоял, как каменное изваяние. Потом на его лице вдруг отразилось бешенство и, точно ястреб, он набросился на брата.

Для Ганса нападение было совершенно неожиданным. Еще раньше, чем он успел сообразить что-либо, его схва-

тили за грудь. В следующий момент он от полученного толчка, шатаясь, подался назад, а Юган шмыгнул в кусты и побежал.

Ганс бросил чужую винтовку и шага два сделал за беглецом. Шпалка последнего мелькала в кустах. Затем беглец оставил кустарник и бежал по неровной песчаной поляне к отстоявшему от него шагах в двухстах сосновому лесу.

Ганс прицелился. Мушка остановилась на черной спине Югана. Промеха не могло быть. Винтовку, ведь, держал лучший стрелок из всей роты.

Ганс прицеливался долго. Руки его начали дрожать. Мушка заметно двигалась влево и вправо, вверх и вниз. А палец все не нажимал спусковую скобку. Выстрела все не следовало. Палец не слушался. Как сонный, глядел Ганс поверх прицела и мушки вслед за удаляющимся все дальше и дальше беглецом. Один нажим—и жизни той не станет. А почему же и нет. Ведь, так надо. Перед дулом стоит, ведь, белый солдат. Палач рабочих. Кто знает, сколько товарищей он погубил.

Тяжело, однако, убить его. Где-то там его дети, маленькие, миленькие голубоглазые дети. Жена, которая останется с ним без мужа. А там еще что-то такое... Но что? Незвустно.

Беглец пробежал уже шагов сто. Теперь он шел шагом. Три четверти расстояния до соснового бора уже пройдено. Перейти овраг—еще пара минут—и он спасется...

Да, но Ганс красный стрелок. Он за защиту революции. К тому же дана клятва на изувеченных трупах трех товарищей. Ни один белогвардеец не должен быть пощажён! Будь это—брат или сестра, родной отец или любимая невеста. Раз ты белый—смерть тебе!

Шаги прервали его лихорадочный ход мыслей. Из леса вышли три красных стрелка и, увидев Ганса, прицелившегося в удаляющегося человека, воскликнули:

Беглец уже лезет вверх по обрыву...

— Что это, белый?

И, не дожидаясь ответа, моментально вскинул винтовку.

— Да... Это мой брат, Юган...

— Твой брат белогвардеец?

— Да, оставьте... Я сам!

Стрелки опустили винтовки, а Ганс поспешно опустился на одно колено и поднял винтовку.

Беглец, перейдя овраг, уже лезет вверх по обрыву, под защиту леса. Вот он схватился за торчащие наружу корни ветки и подтягивает себя вверх. Вот уже голова скрывается за ветки сосны, разросшей над обрывом. Вот уже скрылась верхняя часть спины. Еще пара секунд, и Юган скрывается в лесу.

Ганс позабыл все свои сомнения. Среди красных стрелков он снова стал только лучшим красным стрелком, стреляющим в цель без промаха.

Осторожно поднималось дуло винтовки. Мушка сначала показывала на скрывающийся в зеленых ветках затылок, потом на правое бедро.

Раздался выстрел,—и беглец покатился в овраг.

— Был я, говорит не полагается, кому-ж сказки-то рассказывает. Ну, а по-твоему как?

Председатель закатил глаза, будто что вспоминая, и шкосо смотря на хитровато-улыбающегося Андриюшку, понимая, что тот сам знает. Спецдежду сейчас мало, и сам сказал Чернову, чтоб взрослым рабочим дать в первую очередь.

— Кажется,—полагается.

— Нет, не кажется, дорогой товарищ, а так точно. Что-ж молодежь, молодежь на словах, а косишь чего,—на задний план ее. Я сам нынче приду. Есть, есть... знаю,—всего перебил он пытавшегося заговорить председателя.

Тот улыбаясь пошел к шкапу, работу умяся, хлопнул по плечу, похвалил:

— Молодец! Точно работаешь.

— Брось зубы то заговаривать. Говить спецдежду лучше.

Макарка вроде зависти почувствовал. Ушел председатель. Сам к шкапу. Тоже работу мерил.

— Хорошо, чорт возьми, сам калibr без каприз идет! Андрей снял с оправки отбоченную муфту. На шкап положил, засмеялся.

— Что, Макар Иваныч, говоришь, гуляешь?

— Станок в ремонте.

— Брось бузить-то. Лодыр, ведь ты. Смотри, Макарка, жалуются на тебя. Зря, брат, зря. Так работать не выучишься.

— Да что работать-то на одном станке целый год,—утрону бросил Макарка,—почему не переводят? Черта с два забывают ваша ячейка.

— А как забываются? Ты вот ничего не делаешь, а получаешь. На эти деньги скорей бы станков купили.

— Ну да-а...

Покраснел Макарка, задумался.

— Сволочь, а, ведь, товарищем был. А теперь с председателем как своей говорит, и по его все выходит! Зависть взяла. Хотел работать, звонок над головой забребезжал. С задорным урчаньем остановился мотор и сразу тихо стало, свободно. Резко зазвучали голоса ребят, заглушаемые раньше машинами.

ПЛОТНОЙ кучкой сбились фабвайцы на партах. Одни чутко слушают, записывают деловито в тетради, а другие грезут бестолково карандашами, да по сторонам озираются. У доски старый педагог объясняет Макарке. Тот оборачивается, строит из-за его спины рожи, фыркает.

— Тов. Чижов, а на кой нам эти формулы? Инженеры, что-ль готовите из нас?

— Правильно. И совсем бы и механики не надо,—подхватил помиравший Гришка.

И стих был недовольный Макаркин крик, да Васька уж давно косился на залитую солнцем улицу. А тут подтолкнули будто.

— Вся голова формулами пропиталась, даешь опыты.

Макарка опять, Гришка—и пошла кутерьма.

— Довольно!

— Опыт надо!

— Кончай!

Завоюновался класс, загудел голосами недовольными. Одни призывали к порядку, другие кричали, чтоб опыты были, а Гришка под шумок трепака начал откатывать, да кричать во всю глотку.

А а-а! А а-а! У-у-у!

Низенький, юркий старичек нетерпеливо сморщился, вытер белым платком потную лысину.

— Тише, товарищи. Еще одна формула.

— Хватит.

— Даешь опыты.

— О-о-пыты.

Старичек зажал пальцами уши, в ладоши захлопал, ничего не помогает. Пробовал читать натаацию, но его тонкий голосок потонул в криках. Вздернул пренебрежительно плечи, к окну отошел.

— Ф-фу. Идиоты.

Скандаль разгорался. Митька-староста выбежал наперед, забаранил по столу.

— Ребята. Что за беспорядок. Нужны нам эти формулы.

— На что нужны? На что? Резьбу я с ними лучше нарежу, да!—чуть не с кулаками подскочил Макарка.

— Тише! А про тебя, Воронов, на учкоме разберем, вечно ты хулиганишь.

Макарка захохотал. Еще бы побужить, да ребят мало на его стороне. Успокоились, опять формулы на доске запылали, Макарка махнул рукой, пошел к Гришке, зашептал.

— Ну, Гришух, сыграем нынче у Ямки.

— Сыграем. А я, Макарк, в обед голубя поймал. О, и хорош: рублей на пять потянет.

Макарка беспокойно зашнырял по рядам. Смирно сидят ребята. Чорт их знает, что и слушают. А не охота сидеть. Тошнота берет. Так и хочется запустить ногой на него Макарка зарится, да и все не

Прижался теперь старик, пустил корни по главным инженерам, не выживешь. Подмигнул Макарка завесаму Ваське и старательно стал строить бумажного голубя. Потом толкнул Гришку, на голубя кивнул:

— Сдерефишь, наперед постишь?

— А ты?

— А ты?

— Я? хоть сейчас!

Подумал, подумал Гришка, стыдно созняться.

— Могу.

— А спорить. Попадешь ему в голову, ты мне по роже раз, а мимо—я.

— Катись ты. Давай на червонн.

— А-а... сдерефий. Где он червонн? А здесь выйдешь в коридор и чпокнешь.

Забрало Гришку. И подумать не успел. Наметался, голубь плавно описал полукруг и, мягко стукнув в голову

педагога, упал под ноги. Сзади раздался придуренный смех. Чижов обернулся, поблудел, поднял голубя, в клочки разорвал.

— Гм... м... А кто этими штучками занимается?

Обвед класс строгим взглядом, никто не ворохотился. Гришка покраснел, заморгал глазами виновато, за Макарку спрятался.

— Чорт... Обманул... В завком потащит. А Макарка спокойно встал и смеюло: — Владимир Васильич... я голубя пустил.

Вздрыгнул Чижов от смелого окрика.

— А-а... Ну и прекрасно. Поговорим после.

Макарка приподнялся и резко, открито выпалил:

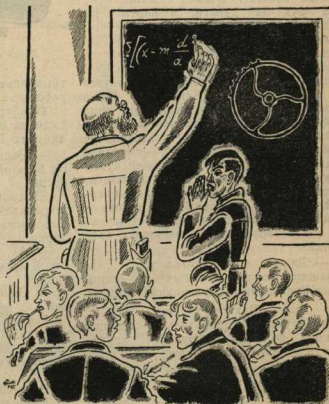
— Ни черта ты мне не сделаешь!

НАСИЛУ урвался в свою всякую темную каморку. Поежился: сыростью понесло от потных скользких стен. Мебели никакой. Сколотил сам стол из ящичков, да кровать, так и сейчас стоят они серые, шпелестые. Бросил у входа куртку. Достал из стола горбушку черного с селедкой, аппетитно начал уписывать. Один жил Макарка. И сам не помнит, когда отец с матерью померли. Знал дядю, на завод через него попал, и его уж два года не видел. Запривалился наспех, к Яшке попер.

Яшка свой парень. Пришел, а у него уже ребята хозяйничают. Гришка с Ванькой притащили кровать к столу. Серега чурчак, вместо стульев наставил, а сам Яшка торопливо хлебал что-то из красной облупившейся чашки. Встал, вытер засаленные губы и, довольно улыбаясь, подошел к ребятам.

— Ну, как?

Макарка за банкомета засел. Перепащивал от нечего делать карты, пощелкивал ими, подсчитывал деньги.

Макарка стрит из-за спины учителя рожи...

— Садись, садись... Ну, братва, начинать, что ли? Люблю, чорт возьми, в очко.

И Макарка аппетитно, с треском щелкнул картами. Разложил их привычно, банк на середине подвинул.

— Ну, Яшух, с тебя чтойчас. На-ка тышу для затравы.

Начали неторопливо, спокойно, с довольными улыбочками. Каждый ошупывал в кармане монетки и заранее чувствовал радость предстоящей игры. Сперва ходили по маленькой ставке, шутили, смеялись, потом постепенно втягивались, краснели лица, разгорались глаза, посыпалась злобная ругань.

Через час игра сосредоточилась на Макарке и Яшке. Проигрались другие ребята, и у Макарки уж ни копейки не осталось. Снял новую кожаную кепку на банк.

— За сколько положишь?

— Пятерку.

Взял на всю шапку, а руки дрожат. Большие глаза лихорадочно смотрят на колоду, стараясь отгадать карты. Набрал пять штук, задулся. Лицо еще больше зяблостью. Кинул с „матерью“ карты на стол.

— Давай еще на пяту.

— Ставь на чистую!

— У, сволочь такая. Ну, во сколько брюки идут? — хлопнул по запятому колену. Яшка захохотал.

— Да мне задаром давай, не возьму.

— Значит, выиграл и деру скорей.

— Чего? Я не бегу.

— Ну, так давай на брюки, какого ты!

Вскочил красный, разгоряченный, угроза в голосе. Подумал Яшка — дал.

Совсем затянулся Макарка. Раздражительный стал, вспылчивый. Толкнет кто нечаянно — руганью садит. Проиграет — опять матерщиной хлещет. Глаза лихорадочкой блестя. Бегают с Яшких рук на деньги, в карты. Лицо напряжено. Мелькнет жалкая, растерянная улыбка и тут же застынет. Притихли и ребята. Окружили Макарку с Яшкой тесным кольцом. Дышать боятся. Тянутся к картам, шепчутся на ухо. Яшка спокойно растасовывает карты, и с лица не сходит презрительная усмешка. И чего ереленится парень, ведь все равно не отыграться, хотел кончить, — скандала боялся? С боку беспорядочной кучей лежали Макаркин пиджак, шпильки, медная пружка с ремнем торчала из черной материи. Смотрел Яшка на все — улыбаясь. А Макарку больше размывало от его неторопливых уверенных движений.

— Давай, давай, встал уже... На рубашку. Кончим и сниму, не беспокойся. Воспаленные глаза поднял на Яшку.

— Брось, Макарк, что ты... Ну, ну ладно, вставай. Нерешительно подошел Гришка, подымая за руки. И другие ребята уговаривать начали.

— Ворон, кончай. Идем в трактир луже... В чем останешься-то?

Макарка заворочался, отталкивая Гришкины руки.

— Отойди... Просажу все тогда... Дрожавшими руками пригнул карту и долго держал ее, не решаясь открыть. Рубашка вылезла. Оживился Макарка, смелей заиграл. Перевернулось счастье на его сторону. Через полчаса вещи вернул. Начал опять проигрывать, тут же кончил. Яшка отсчитал трешнику в честь выигрыва и послал к Трескачке за самогонкой.

После выпивки — в клуб. На улице темь. Под ногами захлопали лужи. Крупный теплый дождь линул к шее, прокрадывался щекотливыми струйками за рубашку. Макарка то затягивал песню, то, ухарски шлепая по лужам, лез на прохожих драться. В голове шумело, и радовался, что вернул проигрыш.

После темной холодной ночи, теплый сверкающий клуб ошеломил, растерялся как-то. Бежали ребята. Мелькали красивые платки. Крик пионеров врелся в уши, смешиваясь с бестолковыми

— П-паволь, товарищ, а если мы записать?

— Ну, так не хулиганить. А то живо за шиворот.

— Чего-о?... Как за шиворот?

— Так! Меняю таких хлопост.

— Это Э-э-э... — рабочего? Да я м-мать вашу... Вы что... б-буржуазию разводить?

Действовали опрокинутые стаканчики. Шатаясь прислонился к стене и упрямым взглядом уставился на Мешкова.

Из смежной комнаты вышел Андришка с пайкой под мышкой, осмотрелся недоверчиво, подошел.

— Ворон, ты что ж это? Эх, Макарка.

Макарка не ждал. Макарка с минуту смущенно смотрел на него, но тут же зло взяло: Андришка, как хозяин, а меня за шиворот. Отвернулся и к Мешкову.

— Вы что... к-комсомолу можно, а я-на-м нельзя, да, и-нельзя?

— Ну, нахлобачь, да еще хриндучит. Выходи вон, отрезвись.

Мешков взял Макарку за плечи и хотел повернуть к выходу. Макарка рванулся, толкнул Мешкова и, опершись о стену, стал засучивать рукава.

— Н-не пойду. Н-ни за какие очки не пойду. А полезешь — в рожу.

Ребята, увидя, что дело лезет в сурьез, схватили Макарку под руки и поволокли к выходу. Макарка кричал, бросался из стороны в сторону, Гришке нос в кровь расколотил.

— У-уйди. Я-а-ему... У-уйди, стерва.

Снова рванулся. Качнул за собой всех ребят.

— Да иди. Какого ты черта, — сердито закричал Яшка и, развернувшись, звонко шлепнул по уху. — Иди лучше, гад ползучий, а то еще!

Саватился Макарка за уху, но все так же оборачивался к Мешкову и кричал. Около дома освещился, перестал кричать, но в груди все также каленым железом жгла обиды.

Ладно, Мешков, за шиворот. А почему с Андришкой так? Ведь товарищи были.

II

В большом классе фабзавуча — собрание. Вливаются партиями черномые ребята, красноголовые комсомолки, рассыпаются кружками по партам и неугомонный шумящий гул стоит в классе. В углу организовалась фракция фабзавуча. В середине пронырливый Васька что-то кричит, машет руками и то и дело одобрительно хлопает Воронова по плечу.

— Ты, Макарка, не робей! Не выдадим. Верно ведь, огоньцы? Голосуй против бюро, и крышка.

— Факт, не выдадим.

— Отстоим.

За горло возьмем, — одобрительно подкакивают ребята и плотней обступили робешего Макарку.

Васька предложил выбрать своего председателя, чтоб на голоса обмануть и высказываться против, чтоб не очень давал, и рассыпались по всем классам агитировать.

Давай еще на пяту! Ставь на чистую!

трынкаем пианино. Редко проходили рабочие с деловитыми лицами.

Осмотрелись ребята, смеяться нашла. Сели на лавку. Макарка крикнул проходившего Ваську, бузить начал.

— Вася! За какой мазу-то бьешь? Не за этой ли? Ну и подстановки, хорош кусок.

Краснощекая бойкая Лизка, гуще покраснела, почувствовал на себе наглые взгляды. Оглянувшись, кинула задорно.

— Ах, ты шпана безхвостая. Я тебе такой кусок дам, живо из клуба вылетит.

— Да-а? Вот Вася-то. Ну, иди скорей.

Ребята хохотали. Ни одной девушке не давали пройти. То цыканьем докорт, то ножки подставят, а то такое словечко отмотчат, что та только краснеет.

Не долго бузиди. Дежурный по клубу Мешков подпросил выйти. Макарка деловито выступил вперед.

С боем провели Митьку в председатели. Вышел под торжественные хлопки своих избирателей и деловито объявил порядок. Андрей четко, заставляя запоминать каждое слово, начал читать анкету о приеме. Воронов сидел в кругу фабзайчат. Разглядывая виновато из-под нахлобоченной кепки председателя и думая: «Дадут работы,—как Андрей буду. Тогда Мешков не назовет хулиганом. Из-за него и в комсомол вступил. Встретил после того вечера и давай notation читать: «Вон про Аварюшку не скажут, что лодырь, и ты бы парень деловой в комсомоле был, а сейчас грош тебе цена».

Ну и забрало Макарку. Ночью просыпался. Больно обидно, что Мешков за человека не считает. Сидел сейчас, а в душе кошки скребут.

— А вдруг и в ячейку не примут?

Морщился Макарка, вздыхал. А сбоку Васька нетерпеливо вертится, подмигивает весело:

— Ты, Воронов, не робей. Мы тебя живо.

Андрей опустил анкету. Ячейка зашевелилась. Сотня глаз любопытно зашарила по рядам.

— Где он?

— Даешь на середину.

— Пускай встанет.

Макарка краснел, растеряно жался, стараясь спрятаться от назойливых взглядов. Чей-то знакомый голос погасил все крики. Взглянул Макарка в ту сторону, вздрогнул: Лизка встала.

«Ну, пропал».

А Лизка нарочно выжидала, когда все стихли, кинула громко:

— Ты зачем в карты играешь?

Макарка нехотя, не подымая глаз, встал, с'ежился, будто ростом ниже стал.

— Почему? Играю, и все.

Выпалил отрывисто и почувствовал, как загорелось лицо.

— И теперь будешь играть?

— А зачем в комсомол вступаешь?

— ... в фавбуэче хулиганишь.

— Не надо таких.

На минуту поднялся шум. Со всех сторон летели в Макарку вопросы, выкрики, а он только ежилась и с неохотой вставал с места. В каждом лице видел знакомых и робел. Вон Сенька лейтещик зачем-то о боге спрашивает—хитрый черт. Намедни зубы ему разбил,—вот и придирается. А из угла девчата штурмовать начали. Этим тоже вледело не раз. Вспотел даже, отвечая на вопросы. Раньше гордился, что азартно играет в карты, а сейчас совестно признаться. А вопросы сыпались и сыпались, не давая очнуться. А тут еще говорить начали. Валька первый вышел к столу. Откашлялся, пригладил черные густые волосы и, помолчав, начал:

— Я, ребята, долго работал над этим вопросом. Пришел к тому вы-

воду; нельзя Воронова принимать. Да, да... мы и на бюро решили так. Вы не знаете какой он хулиган, а я изучил. Если будем принимать таких типов, во что обратится наш союз? Какая из него смена старым коммунистам? Вы, ребята, забываете, какая работа нас ждет. Нам нужно всегда свято помнить об этой обязанности, а с таким хулиганом ее не выполнишь.

— Брось демагогию-то разводить, врешь, ведь, нахально,—возмущенно закрычал Васька и встал. Когда он хулиганил? Месяц назад.

Валька прищурился, посмотрел в его сторону и толкнул Митьку:

— Председатель. Наведи порядок. Мне слово дано.

— Довольно оратора-то строишь! Долой! Принять Воронова!—снова привскочил Васька.

— Правильно!

— Долой!

— Во-оронова,—дружно подхватили фавзайцы и, вскакивая с места, бурно забарабанили по полу.

— Нет, не принимать!

— К черту хулиганов!

— Исправиться надо!

— Принять!

Позади поднялся жаркий спор. Васька подскочил к группе девчат и азартно наступал на самую середину.

— По-комсомольски вы делаете, а? По-комсомольски? Попало, так...

— Нет, не попало. А такими хулиганями незачем ячейку позорить.

— Ни черта подобно!

— Все подобно! А не быть ему!

Нет, будет!

Митька нетерпеливо и весело забарабанил по столу.

Ребята схватили Макарку под руки и поволоки к выходу.

— Тихо! Бери слово в катушу.

Последнюю рубашку Макарка проигрывал и то не рабел так. Шевельнуться боялся, вспотел весь: блузка к плечам прилипла. Только глазки бежали с одного оратора на другого. Чувствовал, что пропал. Все на него. Вон секретарь кричит, что против бюро не имеет права, Валька, девчата, все против, один фавзайцы кричат. Досада разбрала: «Неужели не возьмут? Э-эх... На одном заводе работу, и то...» И как-то невольно оборачивался к Андрею. Перед самым голосованием Андрей взял слово.

— Неправильно мы, ребята, рассуждаем. Вот и задача-то наша сделать его настоящим комсомольцем. Игнатьев говорит—будет плохой сменой. Куда ты забрался, дорогой товарищ! А я думаю из него комсомольца на большой палец выработать. А я кивком в ячейку пришел? Ведь мы с ним задумевные друзья были. Надо обязательно принять

Воронова. Если не примем, совсем отобьется парень. Я его знаю. Дай ему сейчас работу, он старых комсомольцев зашьет и хулиганство бросит. Принять, ребята. Обязательно надо принять.

Андрей ли горячо говорил, или авторитетом пользовался, а только ему густо захопала почти вся ячейка.

Расплылся Макарка в улыбку, когда за него поднялась роща рук. И такими друзьями показалась вся ячейка, все бы для нее сделать готов. Вскочил с сияющими глазами, искренне выпалил:

— Ей богу, ребята хулиганить не буду! Только работы дайте.

(Продолжение следует).

Со всех сторон летели вопросы.

ПО ЗАВОДСКОМУ УРАЛУ

Л. МИТНИЦКИЙ

(Из поездки с немецкой рабочей делегацией)

1. ЛЫСЬВА

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ветвь, соединяющая заводские громады Урала, вся на всем своем протяжении стиснута стрельчатой елью, ольхой, и мигающим белоснежностью, березняком.

Подъезжаем к районному городку Пермской губернии—Лысьве.

По правую руку—густое «преддверье» тайги, по левую руку—ярко зеленое предгорье Урала. На отлогостях блестит крышами закопченных заводский городок, и видны издали меж темными строениями альфе ленты поперек улиц—привет заграничным «брудерам».

Остановка—за станцией, у массивной плотины над большим озером. На плотине—красные знамена, медь оркестровых труб, пролетарии Лысьвы пенным Интернационала вторящие оркестру.

На коротеньком митинге наши говорили:—покажем гостям не только хорошее, но и плохое. Покажем им клопов в рабочем жилище.

—Го-го-го!—подхватили все,—покажем советских клопов... Чего стесняться!.. Свои товарищи... Не на парад приехали, а всю правду о нашей жизни узнать хотят...

После митинга, по пыльно-черной дороге, поднялись к заводу. Вслед идущим—со штабелей дров кричал голосистый парнишка, размахивая келкой:

— Да здравствует всемирная революция во всем мире!

... Пришли на государственственный Лысьвенский завод. Познакомились с директором—бывшим рабочим этого же завода и, коротенько информировавшись о производственно-бытовом состоянии этого предприятия, разбили на две группы.

У пылающего белым раскломом Марта на внимательный Фрейбергер, председатель делегации, учинил допрос старику рабочему о жите-быте. Рабочий похвалил наше советское бытие, но предьявил «встречный иск» через переводчица Фрейбергеру:

— Ну, а вы-то, как у себя в Германии справляетесь?

— Спроси его,—науськивали друге,—почем у них мука?

— Во-во... почему мука у вас?..

Фрейбергер смущенно развел руками:

— Увы, не информирован, жена покупает. Вот про другое знаю. Знаю, что одно яйцо стоит у нас восемь копеек!

— Одна штука?—изумились наши.

— Да и с квартирами вопросом,—сообщил Фрейбергер,—у нас очень туго!

— Да и у нас!—признались наши,—не очень-то на этот счет свободно, но зато все новые жилища—для рабочих!

Раззагорившись, лысьвенские рабочие сказали вслед отходящему Фрейбергеру:

— Хотите, чтобы у вас было хорошо—делайте так, как мы делаем. Будете сами себе хозяини!

Морщинистая, кушая ростом женщина, в дешевенских сергах и в валенках не по сезону, провожала добрым взглядом проходящих делегатов.

Ее важно отрекомендовали гостям: — Сторожиха—царевна нашего цеха! От высокого этого комплимента стала сторожиха красной, как косынка на ее голове.

А молодой и веселый немецкий делегат, немного знакомый с русскими словами, пригласил розовокожую товарку поехать с ним в Германию.

— Боюсь!—хихикнула товарка,—там у вас социал-демократы. Мы уж лучше тогда до вас в Германию приедем, когда Германия будет советская!

Ходили по цехам делегаты, шупали оцинкованную жесть, останавливались у станков, где работницы «клеили» жестяные ведра.

День завершается собранием конференции в парке. Ночью—путь—дорога

сразу кличку «Носва ковчегга». Несмотря, однако, на эту свою недестную оценку, бойко побжал пароходик по озеру.

— Такова советская Россия!—молвил задумчиво немецкий делегат,—на носовом ковчеге гигантскими шагами в новой жизни!

Закатными красками неба украсилось озеро, бурлила мыльной пеной, накопилась под колесами вода, стальные полосы бежали по всколыхнувшейся глади озера к холмистым берегам.

Темно уже было, когда, повернув обратно, высадилась. На берегу к делегатам подошли два очень веселых тагилца. Все допытывались:

— Геоссы, понимаете сколько-нибудь по-русски?

«Геоссы» не понимали. А хотели им два веселых парня сказать, что вот-де, как хорошо живем, даже и на выпивку остаётся.

— Ну это вы бросьте, ребята!—урезонил их третий, не столь веселый тагилец.—Не с того конца агитируете!

И веселые агитаторы смылись.

3. О ПОДАРКАХ

РАБОЧИЕ и работницы Свердловских заводов подносят дорогим своим гостям, немецким делегатам, свои скромные, собственного изделия подарки из уральского камня и металла. Рабочие и работницы подносят делегатам знамена и в своих речах призывают немецких братьев под красные знамена революции, искренно советуя:—А буржуев к чертям гоните!

Председатель делегации благодарит «оптом» всех дарителей, он смущенно разводит руками и с грустью в голосе говорит:

— Дорогие русские товарищи, с благодарностью принимаем ваши подарки и скорбим о том, что по известным нам политико-экономическим причинам не могли привезти вам свои подарки!

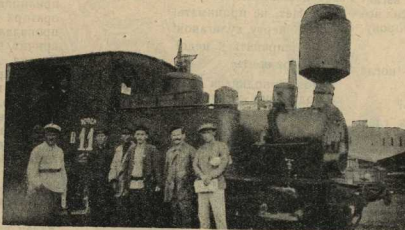
Между прочим Фрейбергер интересуется стоимостью подарков.

— А зачем это вам?—спрашивают наши профсоюзники и добавляют шутливо,—особой точности у нас не ищите: наша отчетность и наша калькуляция не совсем точны!

В ответ на эту шутку Фрейбергер поясняет, что интересуется он стоимостью подарков не праздно, а в предвидении больших пошлин, с которыми карманы немецких делегатов при переезде границы могут не справиться.

— Ну,ничего!—утешают наши,—мы покроем пошлину из нашего стачечного фонда, благо, он у нас не тронут!

— О, нет, нет!—протестует Фрейбергер,—это уж наша обязанность, наши расходы и наша задача доставить все

Делегаты на фоне старинного паровоза.

до утренней остановки, до новых впечатлений об этой «сказочной стране», как окрестил нашу республику в своей речи член немецкой делегации Фишер.

2. В ТАГИЛЕ

СО СТАНЦИИ на добрых заводских конях делегация перекочевала в жилищную, которую занимал в дореволюционное время инженер со своей семьей. «Хижина» оказалась целым дворцом. Здесь с большим комфортом расположились делегаты и на самих себе приятно почувствовали, как общественно и полезно отбирать блага у одиночек и передавать их коллективу. Но они, практически участв на этом и иных примерах ленинизму, не могли не подумать, что было бы недурно, если бы в Тагиле побольше было таких особняков для широкого рабочего использования. Конечно, это пока при наших ресурсах—дело будущего. А вот делом прошлого оказался старинный углей пароходничко, перхаживающий паром и засыпающий насасажу горячей сажей. Он получил

братские подарки от русских товарищей Урала. Поняла делегация, какая огромная революционная энергия заложена в каждой живой единице огнедышащего завода, когда наши заводские Сидоровы и Петровы, выкручивающие свои мокрые от обильного потоа слезуровы, тут же агитировали своих гостей:

— Хорошо, братцы, у нас сделано. Конечно, трудно нам приходится, но мы сами себе хозяины, и себе и спрашиваем!

— Мы передадим знамя в наш союз официантов!

— Но ваши союзные бюрократы его не примут!—возражают коммунисты.

Один из делегатов, социал-демократ, гордо возглашает:

— У нас в союзе тоже есть красное знамя... еще с сорок восьмого года!

— Старенькое же ваше знамя!—смеются делегаты коммунисты, — залпесневели от времени ваше знамя.

4. СОВЕТСКИЙ ЗАВОД

ЗЛАТОУСТОМ заканчиваются уральские впечатления немецкой рабочей делегации. Дальше—силь бурлацкой Волги. Белый пароход.

Что дал приезд зарубежных делегатов рабочим уральских заводов?

Прежде всего—теоретическое представление рабочего о международной солидарности пролетариата—сменилось очевидностью.

Так и говорили рабочие:

— Когда видишь на деле эту международность, то и понимаешь ее по-настоящему!

Появление делегации на заводах Урала влило в уральского рабочего новую энергию. Лестно было ему, радостно, когда немецкий рабочий, показывая на дряхлый станок, говорил:

— Это допотопно, вы отстали от нас!

Но тут же, дружески хлопая русского товарища по плечу, добавлял:

— Ты сам новый и в этом Германия отстала!

— Правильно, товарищ!—осклаблялся наш рабочий, — царизма нам оставила ржавое наследие, но мы сами новые и все обновим!

Сила контрастов: наш технически отсталый завод, недостаточная механизация производства, каторжный труд в некоторых цехах вследствие этого и—на ряду: пролетарская бодрость, на ряду—смелый взгляд вперед, в завтра, высокая политическая сознательность.

И эти новые советские свойства наших рабочих позволяют, например, техническому директору Надеждинского завода твердо заявить делегатам: — мы бодрь, ибо мы растем. Через три года наш завод будет не хуже германских заводов. Такие впечатления были у делегации на всех осммотренных заводах

Урала. Поняла делегация, какая огромная революционная энергия заложена в каждой живой единице огнедышащего завода, когда наши заводские Сидоровы и Петровы, выкручивающие свои мокрые от обильного потоа слезуровы, тут же агитировали своих гостей:

— Хорошо, братцы, у нас сделано. Конечно, трудно нам приходится, но мы сами себе хозяины, и себе и спрашиваем!

Почетный пионер ЛАНГЕ приветствует на проездной станции юных пионеров.

5. ПРОВОДЫ

ТИХИЕ, розово-смуглые сумерки опустились над станцией. Потемнели и без того темные бревенчатые строения рабочего городка. Серебром заблестала журчливая речка. Пустынно на станции, где стоят четыре вагона специального поезда, и сопит от безделья дежурный паровоз.

Весь рабочий городок вместе с немецкой делегацией на собрании в зеленолиственном парке. Но, чу... послышалась из-за речки звуки оркестра. Замноголодла до того пустой мостик, врезалась в мед сумерек немеркнущая алость знамен. Станция оживилась.

Под руки с местными пролетариями пришли к вагонам немецкие делегаты. Народ прибывал, как вода из прорванной плотины. И набралось провожателей тысячи три—партийцев и беспартийных, комсомолов и комсомолок стариков и рево-звонких пионеров.

Пионеры кричали по разделениям:— да ешь с-ю-да по-чет-но-го пи-о-не-ра!—кричали настойчиво, пока к ним не шел пионер, старик Ланге.

— Качать почетного пионера!

Но не по силе-кам было пионерам бросить в воздух грузного дедушку. Пришлось обратиться за помощью к „старой гвардии“—комсомольцам.

Развернулся специальный, стихийный митинг. Немец—делегат, „немножко“ владеющий русским языком, возглашал с площадки:

— Да здравствуйте русская революция и да здравствуйте мировая революция!

Наши, не желая оставаться в долгу, ему ответили раздельно по-немецки:

— Эс лебе ди коммунисте партей!

На митинге говорилось о том, что-де в девятнадцатом году скептики не верили тому, что „заграничная пролетария“ заодно с нами. Теперь приезд немецких товарищей и их строительство—живое доказательство пролетарской связи в международном масштабе.

И когда все, что нужно было сказать на прощание, было уже сказано, когда митинг погас, как ярко и жарко обгоревший костер—кто-то сделал провожающим живо подхваченное предложение:

— Споем им русскую!

— Стеньку Разина!

— Разина!

И трехтысячный хор мощной лавиной вслед за лихим запевалой грянул:

„Из-за острова на стрежень“.

Густели сумерки, густел народ на станции, густели звуки русской песни. Долга и широка эта песня, как Волга—долга и широка. Но и ей—конец. Выкрики из толпы:

— Расскажите немецким делегатам, кто был Стенька Разин.

За песней этой полились другие песни, которых в репертуаре нашей революционной молодежи—непочатый край...

Паровоз завсвистал прощально, потянул за собой состав, оборвал песню и медно загудела провожающая толпа, взлетели тысячи стаей вверх кепки и картузы, затолкались на древках знамена.

Это были рабочие проводы.

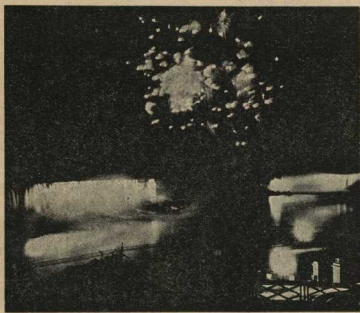

Приют немецким пионерам.

Из «Правды»

Иллюминация и фейерверк на Киагаре

Башня Эйфеля и реклама

Знаменитое сооружение в Париже, башня Эйфеля, было использовано для рекламы. Все огромное сооружение было иллюминировано тысячами лампочек. На снимке изображена башня Эйфеля в момент этой иллюминации.

Реклама на Эйфелевой башне.

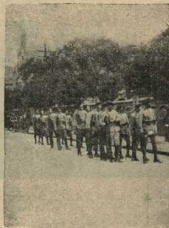
Сигнал для движения?

В Нью-Йорке для регулирования движения на улицах установлены специальные сигналы, похожие на гигантские часы. Сигналами полицейские оповещают о необходимости остановить движение для проезда пожарных и т. д.

События в Китае

События в Китае не теряют своей остроты. Революционное движение, несмотря на некоторый спад волны, продолжает несомненно тревожить империалистов всех стран. По их наущению в по-

Английские полицейские (индусы) на улицах китайского города.

сладшее время произошла убийства некоторых вождей партии Гоминди, из числа наиболее левых сторонников борьбы с империализмом. Англия действительно готовится к свержению Южно-Китайского (Кантонского) правительства, во главе которого в свое время находился Сун-Ян-Сен. Не надеясь на успех вооруженного вторжения в Китай, Англия стремится использовать для этой цели контрреволюционные силы внутри самого Китая. Большие надежды возлагаются при этом на контрреволюционного генерала Чжан-Цао-Лица, известного своим покровительством в Манчжурии остаткам русской белоохранщины.

На наших рисунках изображены различные моменты из теперешней напряженной жизни Китая.

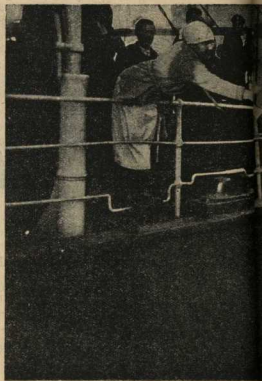
Демонстрация в Кантоне.

ФОТО-ГАЗЕТ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА ♦ КОЛОНИАЛЬНАЯ ♦ КОМИТЕРН МОЛОДЕЖИ ♦ КОМУНИСТИЧЕСКАЯ

№ 2

15 СЕНТЯБРЯ

Первый контакт с экипажем «Воровское». — Демонстрация, находящаяся в порт.

Всегда

Состоявшийся автопробег является вторым советским пробегом. Первый пробег в 1923 г. имел скорее агитационное значение для привлечения иностранных фирм, второй же пробег ставит задачи чисто практические, задачи борьбы с изношенными машинами, наиболее приспособленными к работе в наших дорожных условиях.

Маршрут, выбранный для пробега (Ленинград—Москва—Тула—Орел—Курск—Харьков—Артемьевск—Ростов—Тихорецкая—Армавир—Пятигорск—Владикавказ—Тифлис и обратно) для легко-

вых автомобилей—Курск—Тула—Орел—Харьков—Армавир—Тихорецкая—Артемьевск—Ростов—Владикавказ—Тифлис и обратно).

Общее состоит в том, что автомобиль должен свободно совершать пробег на—100 автомобилей, Фран-

В пробегах на—100 автомобилей, Фран-

Машины у старта.—Краснодар.

ТА „СМЕНЫ“

ОЛ СОЮЗА РЕСПУБЛИК ✦ НАША ПАРТИЯ
НАУКИ И ТЕХНИКИ ✦ ХОЗЯЙСТВО СССР

Я 1925 г.

№ 2

и Нимсела вручают букет цветов одной из комсомолок борту «Ворожова».

Тов. Г. Н. Котовский

6 августа в совхозе Чебыкиа близ Одессы безрассечно погуб член Союзного Украинского и Молдавского ЦИКов, командир конного корпуса Молдавии тов. Григорий Илларионов Котовский. Он родился в 1887 г. в Кишиневском у. В 1905 г. он состоял в организации анархистов, в 1908 г. был арестован и сослан на каторгу в Чернышков, откуда бежал и до 1914 г. вел в Бессарабии пропаганду и террористическую работу. Булучи мобилизован, был вывезнут солдатскими массами в исподком румынского фронта и тогда же вступил в ряды РКП. В 1918 г. организовал Красную гвардию для борьбы с оккупантами — румынами. Во время немецкого штурма Одессы отошел со своими отрядами на Дов

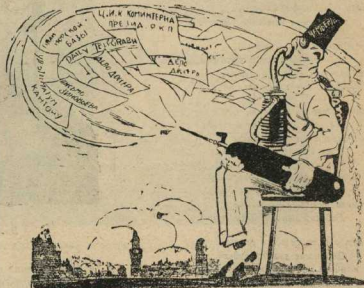
и вошел в состав Красной армии. В апреле 1919 г. Котовский был назначен командиром бригады, позднее — командующим кавалерийской группой и затем бригадой, дивизией и, наконец, с 1922 г. командиром кавалерийского корпуса.

С 1918 г. он участвовал в боевых действиях против Петлюры, Юденича, Антонова и белополяков. В 1920 г. был тяжело ранен в голову и живот. Торжественные похороны Котовского состоялись 12 августа.

Англия в карикатуре

Из газет.

Английское правительство преирует изображением лучшего смертоносного газа.

«Продажа считается действительным писемки Чибберлена, изображенного на карикатуре».

ый автомобильный пробег 1925 г.

Ленинград—Москва
Плободск; Мо-
бильно для мото-
цикла наиболее
удобней условий
и более крупным
типом Союза.

е дорог такво,
тут совершенно
ый пробег.
ступают: Амери-
ны и 2 мото-
—68 автомоби-

ми, Италия—28, Германия—24 автомобилями и 6 мотоциклами, Австрия—16 автомобилей, Чехо-Словакия—12, Англия—2 автомобилями и 3 мотоциклами, Бельгия—3 мотоциклами. Русский автомобильный завод «АМО» участвует 2 автомобилями и советские учреждения—5 автомобилями. Всего в пробеге участвуют 44 заезда, которые представляют 98 типов машин. Из записанных 281 автомобили в пробеге участвуют 170, а в резерве—111. Расстояние и время пробега для легковых автомобилей—4 693 кило-

метра в 22 дня, включая отдых, для грузовиков—1,635 километра в 10 дней, а для мотоциклов—1,574 километра в 7 дней.

Пробег выявил блестящую победу автомобилей русского завода «АМО».

1. КАПИТАЛИСТ (работнику). Выхода нет.

2. РАБОЧИЙ (капиталисту). Выход есть!

Рисунок из английского буржуазного журнала «График», изображающий «разрушителей-работных».

Карикатура из английской рабочей печати, изображающая положение английского рабочего. Написана переведена на русский язык.

Коллективизация—машина «АМО».

Стихи В. Саянова

С ТОБОЙ

1

Над городом пели метели,
Горели костры на углу,
И песни рабочей артели
Летели в вечернюю мзлу.

Забудется вечер такой ли—
Горит, разгорается гора!
Левая облака, будто войлок,
На вребни взметнувшихся гор.

И будто бы вечер союзный,
Доносится смех фабрайчат.
Над газью и коновью кузницу
Заводские песни звучат.

Опять аздували моторы,
Не так ли и в те-то года
Вздмалася песня, которой
Уже не забыть никогда.

Он помнит: строгая спозаранку
Увям заирчичаленных бурж.
Гремева тада Варшавенка
Рабочий испытанный марш.

Опять откликаются в ветром
Охрипшие глотки аждов.
Он помнит над первым Советом
Холодные тени итжков.

Он помнит знамена над Пресней,
Бастующих станций ажда.
Опять захлебнулись песней
Ево пролетевшие дни.

2

Птенцы, что ходили с Аврары,
Ковда подымался прибор,
И приступом брали просторы—
Родимые братья с тобой.

Солдатами ль трех революций
Забудуны естники зары?
Пусть мускулы сталью нальются,
И руки окрепнут твои.

Не зыркай о том, о хорошем,
И нам этот грозит знаком,
Парням с безвыркью, с клеием,
Иль с Кимовским просто значком.

Не жинки потерванной кроха,
Походная песня горда,
Опять лд тальянку под грохот
Идут ветровые вода.

3

Давно ли торюпка метели
Сметали трюнкни на льду,
И выстрелы бились и пели
Еще в двадцать первом году.

Пусть сжалось сердце невольню
И легкая врозь на губе,
Но снова приступевный-Смолянский
Реанулся навстречу тебе.

Раскосы чуть-чуть и прищурью
Не бранят слезю глаза.
О, первые дни Диктатуры!
Приручена нынче зрота.

Виссарион Саянов.

Ты бури наполнил раскаты,—
Пусть ерывает,
Тебе не впервой,
Но в сталелитейном пока ты
Бессменный ее часовой!

4

Ах, шаркай, ах, шуркай ремнями,
Шарахайся выне, завод!
Уже истекла овнями,
Высокая стройка зовен.

В зубень и ропот трансмиссий,
И в шурканье маховика,
Опять над машинной ковсела
Шершавой ладонью рука.

Дымнятся плавильные нечи,
И тютелька в тютельку ажду
Качается сто человекых
Смоловенных вдребезги рук.

— Проворнее дывай рука!
— Э, эй!—подкачанье вурбой,—
И сервца твое с молот-ами
Опять запоет в перебой.

УТРО

Ой, солнце, где ты, где ты нынче?
Давно тебе вставать пора,
Я молодую пестю выничил
Еще задолго до утра.

Сгорей, скорей вставой и важе
Пондурой и пробой пробей.
Чтоб на мое семизатже
Опять взобрался воробей.

Я подуржился с ним, и често
Со мною еместе он коен.
И все чиркает про Каспий
И про апрельский ледоход.

Про мать поет и про Чермисев,
И радости напев простой,
Эх, птенчик, чиркай и чиркай,
Чиркай, щибечи и кой.

Ой, солнце, где ты, где ты нынче?
Давно тебе вставать пора.
Я молодую пестю выничил
Еще задолго до утра.

ПЕРЕПРАВА НА КАМЕ

Эва, снег захрустел под подошвами,
И сутуляются улицы в ряд,
Да не те ли мне песни про прошлое,
Про давнишнее мне воярты?
А и жизнь была не по праву,
Ой, не даром стоит едалеке,
При на правой руке переправа,
Переправа на правой руке.
Там жеслетев песок, побережье,
Красный камень на Каме и плат,
И заря вечерюва брезжит,
И настух свои песни поет.
Ах, пути за пустым полустанком,
Ах, дорои, что сносят на слом,
До зары надрываться тальянкам
За глумих, за медвежьим селом.
Ой, гудоба ребитшикам вкрасистым,
Да и мне не пора на покой.
И стижикам, тараторившим часто,
Да в присядку люблю строкой.
Любо-любо по пыльным доровам
Вдруе прошедшее видеть из млы.
Часовых уже нет по островам,
Не звенит по кустам кандалы.
Ах, пути за пустым полустанком,
Ах, дорои, что сносят на слом,
До зары надрываться тальянкам
За глумих, за медвежьим селом.

ЛЕНИНГРАД

Опять увереннее поступлю,
Дыханье станит горячие.
Огонь у Выхурского моста
В тумане северных ночей.

И снова эпит город дымный,
Грохочущий в стихие моем,
Каким он был, когда над Зимним
Перекаликался Октябрем.

Мы выросли в крутые годы,
Ковда, естрахнуеши еру невольный,
Спалелитейные заводы
Уже равнялися на Смолянский.

И помини: прохорили рабом.
В просторе трех материков
Красноармейские отряды
И зылоны моряков.

Прожектора глядели зорко,
За ними шли на поведу
Поляки, тонувшие в махорке,
В аустом пороховом чаду.

Ковда Германия взметнулася,
Штыкы вз'ерошилися, как шерсть,
О, если бы такую напасть,
Еще однажды переменить!

Но на сталелитейном нынче
Нам ветер ширится, звеня,
И каждый зайкою прищичен
К заботе будничного дня.

И также в поведень полносудный,
Охляившая города,
Октябрь, врезается сегодня
Твоя железная страда!

КОМСОМОЛЕЦ

Очерк ТЫМИНСКОГО

ОСЕНЬЮ со всех концов неизмеримой, испрошенной молодежи России, из каждой комсомольской ячейки, в трехчасовых вагонах железнодорожных, по саломобильным серым проселкам, едет к незнакомым и новым морям комсомольский молодежь. Едут они: — отгребать полузвуду!

Во флотное время не разгуляешься Осмотрят на приеме парня Яна, Зарова. Тот на полкомиссию, а там, глядясь, расплескался ленточки по ветру, и рибат на солнце, с сияньи неба спора, краснофлотские форменки. Ну, и само собой, первое время отгребешь этой полузвуды сэмой.

— Тут тебе строевое обучение.
— Тут важн на дисциплину.
— А то комсомольские обществ. нагрузки.
Знаприт в первые два парева, привыкая к комсомольской бесшабашности и попавши в обстановку немецкой* аккуратности и точности. Спервоначала забудутся и платочки алевские, и письма от юрки и шустрой Тани или Мани, и неводна придет неслая декларация ячейки:
— Герои — скитальцы морей — революционному морку ...

Флот не любит праздношатающихся злодей. Каждый должен иметь свое дело и специальность. После зыпняка, после строевого обучения молодежь работает по школам: сигнальщиков, русских, радистов, волюзов, котелгаров, артиллеристов, машинистов, судосодержателей, — словом, по всем специальностям. Школу зимой пройденя, а весной с первой лаской солнечной нужно идти на корабль освоиваться, и не миковать, и не пройтя к комсомольскому морку учебного корабля — «Комсомолец».

МОРСКОЙ ФАБЗАВУЧ.

КОМСОМОЛЕЦ, это — морской фабзавуч. «Комсомолец», это — поверка на практике всего твоего опыта и знаний, которые получил краснотелом заводной и школы. На нем обыкновенно виваются свое первое плавание все юности специальности. На нем же хоят счастливы в заграничные походы.

Сам «Комсомолец» большой и внушительный трехтрубный корабль, который если поставять на якорь — виваются на исто шарину ее званит. На нем две мачты, большие трехэтажные надстройки с воздушными вентиляторами, в растрбу которого можно устроить заседание бюро ячейки, и с трубами, в которых можно созывать целый пленум райкома. На полуубке ²⁾ у него поднимаются и становится ая гидросамолета, команда насчитывается в 800—1000 человек. «Комсомолец» имеет хороший по своей величине ход, две машины и два винта.

На «Комсомольце» — один из лучших специалистов командир, и пользующийся всеобщей популярностью и любовью которой поимени Василий Ермакович — один из лучших бомбомов в старом флоте, волею судьбы революция сделавшийся командиром, и еще не менее популярный не только на нашем корабле, но и на других. Машка, нукавшийся во время прошло годего заграничного похода в Архангельске. Теперь он уже вырос и начинает становиться углем, а раньше был оземь заброушен; любимым занятием в часы отдыха команды была борьба с Мизкой.

СОРОК ВОСЕМЬ ЧАСОВ В СУТКИ.

ЖИЗНЬ на корабле впевающаяся со временем. Кто сказал, что в сутки нельзя работать сорок восемь часов? А вот мы ухитряемся.

¹⁾ Во флоте вместо «березки», кричат «полузвуда». Отсюда своеобразие — отгребать полузвуду.

²⁾ Полуубок — верхняя палуба у носа.

— Попробуйте нагрузить сто тонн угля смеюно в пятдесят человек в четыре часа, когда на каждого человека приходится 124 пуда.

— Мы можем.
— Попробуйте в два дня окрасить корабль, имеющий 11.000 водоизмещения.

— Попробуйте... Мы, которые не так давно не могли собраться на комсомольское собрание, чтобы не ухитриться опоздать на два часа, теперь все это делаем.

Вечное движение, а в этом движении — жизнь. И кто бы подумал, что течет она, как кровь быстра, из сердца — пасти, примостившейся около камбуза ³⁾, где в запахе дравацем црф возлетя коки ⁴⁾. Наверху ее скромно прилеплялся маленькая бумажка:

Коллектив
Р. К. П. (6-юк).

и только...

Сегодня погрузка угля. Выбирай погрязнее и старей рубу ⁵⁾. К борту полоша баржа с углем. Нужно погрузит 800 тонн угля, проше — 49.6.0 пуд. черного бастящего аитрачнта. Но это еще ничего. На «Комсомольце» вообще можно грузить около 6.000 тонн угля, что, скажем для явности, можно перевезти по железной дороге не менее, как в пять составов.

Работать приходится по сменам. С палубы на борку лебеда. Захватит с баржи двенадцать мешков — тонну, сразу вздернет вверх над кораблем, пронесет по воздуху и в трюм. Нужно скинуть строн, развести мешки, выслать уголь и успеть развести его по углям трюма, а времени только две минуты, надо успеть в час сделать не меньше тридцати подемов, притом всегда между сменами соревнование. Наверку, чтобы шла веселее погрузка, иригет оркестр и грузят по-сному и дцем и ночью.

К концу погрузки можно пришапему на корабль и везанному его быта вивое безмяна — верить очки и уверять его, что у нас команда залопынула из негров.

ВВЕРХУ: любимец команды Мизка. ВНИЗУ: на борту корабля.

НАШИ БУДНИ.

КРОМЕ повседневной работы на корабле, кругом нагрузки. Нужно работать в левинском уголке, подготовиться к докладу в субботу доклад на партсобрании. В обеденный перерыв у тебя совещание, а там выпуск стеной газеты.

Праздник будет радостный, если придет шефа. Собственно над «Комсомольцем» никто не шефствует фактически. Шефами мы называем вообще приезжающие к нам комсомольские эскуриры.

Уедут ребята от нас и, зная, не раз еще в мастерской, в конторе фабричной, или у табачник испомнят и расскажут про нас.

Я буду чистить на камбузе к заграничному обеду погрузку, рассуждал о перспективах нашего флота (за часовой зарплатки вообще рекомендуется говорить много, — быстро проходит время), когда мой приятель Стевлов принесет от Тани письмо. Обрадуясь, стану читать, а ребята подкидывать.

— Получил, расчувствовался, так и картошку чистить не надо по-твоему?

А кончить картошку чистить, забота — ухитриться время найти ответить на письмо Тани.

Вечером в гавани тихо. Вода темная, жуткая, чернилами разлилась. Окунется в нее свол проектора и начнет писать на небе загага светлые. Важнейшие сканьяки отбивают, словно передразниваются; корабль спит, а ты вспомнишь себя в приломе: ячейку, Тавку, неси, как проводили — виноватысь белые воли.

Но вот и смена. Скорей подвесаля койку. Теперь спи, экономя время до пробуждения.

Новая смена стала на вахту. Застыла часовой у флага, по палубе бродит Мизка бессонный, да севельника ретиво шприт близюжники по сторонам. Рыбно гулает моторы, дрожит динамо и перегариваются по клапоти кораблю...

... А завтра снова трудовой день вперекоску со временем.

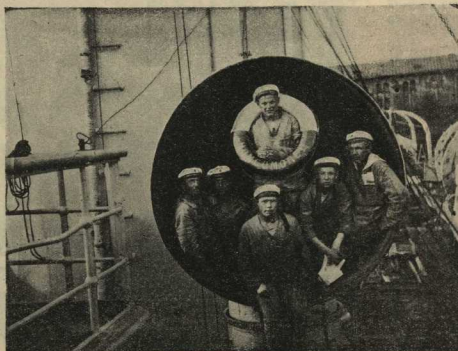

Фото-кружок.

О КНИГЕ

Статья В. АЛЕКСАНДРОВА, снимки УСОВА.

Перед чтением просмотри книгу.

КОГО НУЖНО убеждать в том, что каждый должен читать книги, развиваться? Однако, если заглянуть в библиотеку наших рабочих клубов, фабрик и заводов, невольно встает этот вопрос.

В самом деле, возьмем некоторые факты. В типографии имени Дунаева берут книги в библиотеку 67%, комсомольцев и всего 38%, беспартийной молодежи. На одном деревообделочном заводе из 70 молодых рабочих книги в передвижной библиотеке читают лишь 10. А что же остальные?

Попробуй проголосовать на ячееке: кто регулярно читает книги, кто состоит читателем в местной библиотеке, кто читает по заданиям руководителя политкружка, — и ты увидишь, что следует поставить тревожный вопрос: неужели же все ребята понимают пользу чтения, необходимость развития и поднятия политической грамотности при помощи книг.

СКОЛЬКО КНИГ МОЖНО ПРОЧИТАТЬ ЗА ВСЮ ЖИЗНЬ

НУ, ЛАДНО! Убеждать много не приходится. Ведь читают ребята. Правда, часенко перехватят у товарища какое-нибудь дрянцо — пинкертоновщину или что-нибудь в этом роде, — проглядыт журнальчик в читальне... Через пень — колоду, а все же читают. Читают много бесполезных, даже вредных книг; но со временем исправятся, говорят нам.

Но „ждать у моря погоды“ нельзя. Рассуди сам. В наше время каждый день должен быть использован наибольшей пользой. Ведь дела так еще много. Много еще придется учиться, бороться, строить. И можно ли тратить время зря? Подсчитаем, сможем ли мы, имея ли мы право в чтении бросаться во все стороны, читать, что под руку попадет, плыть по течению.

В лучшем случае, читатель из моло-

дежи прочитывает в среднем в месяц 3 книжки. Если считать среднюю продолжительность человеческой жизни в 50 лет и принять во внимание, что сознательное чтение начинается, примерно, с 15-ти лет, то за 35 лет можно прочитать всего 1200 книг. При огромной жажде знаний, в период активной общественно-политической жизни, — это крайне ничтожное количество. Наши издательства ежегодно выпускают тысячи названий.

Ну, как же тут успеть прочитать все нужные и полезные книги? Между тем, рабочий молодец читает много ненужного, бесполезного.

Когда ты берешь книгу, нужно подумать о том, что эта книга — одна из 1000 книг, которые тебе осталось прочитать. Подумай об этом и выбирай для чтения только полезные и нужные книги.

КНИГОЛЮБИТЕЛИ И КНИГОВРЕДИТЕЛИ

ВСЯКИЕ БЫВАЮТ читатели... Другой за книгой день и ночь сидит, брюки проскивает за чтением. А есть и иные. „Каким родился, таким и проживу!“ — говорят они. „Читаю, когда хочу и о чем хочу... Зайдут от скуки в библиотеку, возьмут „Тарзана“ и всю зиму на полке „маринуют“. А другие еще хуже поступают — так книгу изуродуют, что хоть караул кричи. А ведь книг у нас очень мало. Поглядишь, за какой-нибудь книжкой Синклера очередь в несколько десятков человек. А она спойкой у какого-нибудь „киноголюбца“ под кроватью валяется или для завтрака вместо подноса да салфетки...

Прежде всего нужно подумать о бережном отношении к книге. Хороших книг мало: берегите книгу, не зачитывайте книжку, бережно с ней обращайтесь. Следите за собой, следите за товарищами, помогайте библиотекарю бороться с „киногоределителями“.

„ЛУЧШЕ МЕНЬШЕ ДА ЛУЧШЕ!“

НУ, ВОТ — скажет читатель, — сам говоришь что чем меньше читать, тем лучше. Не совсем так. Хочу вам объяснить эту мысль на примерах. На заводе АМО беспартийная молодежь читает 4 книжки в месяц, комсомольцы — только 3. В чем тут дело? Ведь комсомольцы в учебе должны идти впереди, а они отстают. Однако, когда разнюхал я, что читают комсомольцы, то выяснилось следующее: комсомольцы берут 40% политических книжек, а беспартийные — только 20%; к тому же беспартийная молодежь читает гораздо больше беллетристики. Решите сами, правильно ли поступают комсомольцы, отбирая, пусть немного, но полезные книжки.

Среди серьезных ребят, любящих читать, есть такие книголюбцы, что приходится их за хвост удерживать: „Ребята, меньше глотайте страниц — больше толку будет“. А они не унимаются. На одном комсомольском собрании (собралась молодежь рабочие и работницы, учились вечерних общеобразовательных курсов) был объявлен конкурс: кто больше всех книг прочитал за последний месяц. „Два!“ — раздается голос. — „Кто больше?“ — „Три!“. — „Кто больше?“ — „Пять!“. — „Кто больше?“ — „Шесть!“. „Восемь!“ — восклицает широколицая комсомолка.

В заводской библиотеке.

„Ого!“ — „Ай, да ну!“ — раздаются голоса... „Что же ты прочтала?“ Начинается перечисление: Зиновьев, „История РКП“, Сивклер, „Джими Хиттис“, Троцкий, „1905 год“, Толстой — Анна Каренина, „В огне революции“, „История РЛКСМ“ и т. д. Мешанина в голове, каша какая-то, солянка... Красная комсомолка сознается, что в голове у нее действительно очень мало осталось.

Что же нужно запомнить?...

Читай только хорошие книги. Книга, для проработки ее, отнимает много времени, но эта затрата времени окупится. Пусть будет меньше прочтено, да лучше усвоено. „Глотать страницы это все равно, что лить воду в решето“. Читай лучше меньше, да лучше.

НАУЧИСЬ ЧИТАТЬ ПО ПЛАНУ

КТО ИЗ ЧИТАТЕЛЕЙ может похвастаться плановым чтением? А между тем планом определяется успешность чтения, продуктивность его. Со многими ребятами приходилось беседовать, и почти все жаловались на то, что читают разбросанно, без всякой системы. Можно ли найти план в приводимых отчетах комсомольцев Рогожко-Симоновского района?

На вопрос: „укажи три—четыре книги, прочитанные тобой за последнее время“, — комсомолка 19-ти лет отвечает: „Читал: Ленина, — Шаг вперед, два назад“, Пильняк — „Рассказы“, „В огне революции“. Другой — дает еще более любопытный ответ: „Читал: „Лейтенант Шмидт“, Толстой, „Анна Каренина“, „Комсомольская Пашка“.“

А вот вам комсомолка 18 лет. Читала: „Женский труд“ (не помню автора), Дюма: „Тайный разговор“.

Полезно ли такое чтение? Конечно, нет.

Как же научиться читать по плану? Прежде всего нужно привыкнуть читать регулярно, т. е. определенное время. Если тебе трудно отвоевать ежедневно время для чтения, читай 2—3 раза в неделю, но в определенное время. Само собой разумеется, что лучше всего читать по утрам, на свежую голову.

Дальше: Выбирай книжку по „плану“. Нужно проглядеть книжку, прочитать отдельные места, чтобы выяснить, насколько она тебе подойдет. Если ты возьмешь слишком трудную книгу, очень сомнительные положительные результаты такого чтения.

Однажды в группе ребят я выяснял, кто прочел книжку Зиновьева — „История РКП“.

Из 60 ребят подняли руки человек 40. — А кому она показалась слишком трудной? — спросил я. Поднялся лес рук. Я насчитал 30.

Расуди сам: может ли быть польза от такого чтения?

В составлении плана чтения поможет школа политграмоты. В школе прорабатываются вопросы, с которыми наша молодежь должна ознакомиться прежде всего. Программа ее даст тебе программу чтения. ЦК РЛКСМ издал первый круг чтения для рабочей молодежи. Раньше и прежде всего необходимо пройти этот круг; его нужно дополнить 2—3-мя книжками по естественна-

нию, потому что необходимо быть не только хорошим революционером, но и грамотным материалистом.

О художественной беллетристике.

Обычно ее читают для развлечения „на сон грядущий“. Это глубоко ошибочный подход. Беллетристика имеет огромное воспитательное значение. Чтение социальной беллетристики, революционной романтики, подходящей ко всем явлениям быта, и истории с точки зрения классовых борьбы, должно сопутствовать чтению политической и научно-популярной литературы.

МЫ НЕ УМЕЕМ ЧИТАТЬ КНИГУ

СОСТАВИВ ПЛАН чтения из небольшого количества книг (в первую очередь по политграмоте и естественно), каждый должен поставить себе задачей возможно продуктивнее

Жертва книволюбия.

проработать этот план. А для этого нужно иметь в виду ряд правил, помогающих лучше усвоить содержание книги, которых обычно комсомолы не знают.

ЧИТАЙ МЕДЛЕННО

ПРОГЛАТЫВАНИЕ СТРАНИЦ, „скольжение“ глазами не принесет пользы. А ведь этим недостатком страдают многие. Нужно приучить себя читать медленно. Если к этому тебе трудно привыкнуть, можно читать вслух или подстроичником. Для товарищей, обладающих слуховой памятью, чтение вслух или шепотом помогает лучше усваивать прочитанное.

Нужно приучить себя читать не только слева направо, но и наоборот. Поясно. Будучи уставшим или при наличии отвлекающих обстоятельств (например, шум, посторонние мысли), замечаешь, что ты скользишь машинально глазами по бумаге, совершенно не усваивая смысла написанного. Необходимо вернуться к тому месту в книге, где обрвалась нить мыслей. Без этого немислимо понимание содержания книги в целом.

За жизнь можно прочесть около тысячи книг.

УЛАВЛИВАЙ ОСНОВНЫЕ МЫСЛИ.

ЧИТАЛ ли ты книгу Серафимовича: „Железный порок“? Расскажи содержание.

— В первой главе рассказывается, как партизанский отряд удирал от казаков. Начальник отряда собрал митинг, и партизаны стали толковать о праздничестве начальника...

Так рассказывает читатель, не подумавший книжки, не уловивший основных мыслей. Другой рассказал бы иначе: „Повесть Серафимовича рисует партизанщину в Донской области во время восстания казаков. Партизаны состояли, главным образом, из батраков-украинцев и т. д.“

Когда читаешь книгу, нужно по прочтении главы, отдельных мест проглатывать основные мысли автора. Тогда легче усвоено будет содержание книжки, легче запомнится прочитанное.

ЧИТАЯ, ИМЕЙ ПОД РУКОЮ КАРАНДАШ И БУМАГУ

ПАМЯТЬ не может вместить всего материала, всех тех знаний, которые ты получаешь из книжки. А между тем многое из книжек, читаемых тобой, следовало бы сохранить. Приучись делать выписки из книги. Выписывай наиболее важные цифры, факты и определения. Эти выписки рекомендуются делать на небольших листочках бумаги и раскладывать по конвертам по темам (например: политик. экономия, экономическая политика, история РКП и т. д.).

Для тщательной проработки книжки рекомендуются составлять конспект. Конспект книги, это — сокращенное изложение содержания книги, переданное своими словами.

УМ ХОРОШО, А ДВА ЛУЧШЕ

НУЖНО привыкать прорабатывать книжку в кружке. На кружке зачитываются отдельные места из книжки, обсуждаются вопросы, встающие по ходу чтения. Совместное чтение, горячее обсуждение прочитанного приносит огромную пользу самообразовывающимся.

Вот как надо работать над книгой, если хочешь с пользой прочесть те 1.200 томов, которые приходится на твою долю.

КЛУБ И ЯЧЕЙКА

Статья П. ТАРАКАНОВА, снимки УССОВА.

Или клуб...

НАША ЯЧЕЙКА является основой организации. Ячейка является организацией, руководящей всей рабочей молодежью. Она на предприятии, учитывая требования рабочей молодежи, ее интересы, и старается их удовлетворить. Через представителя в завком и в разные его комиссии она добивается защиты интересов рабочей молодежи. Та же рабочая молодежь, являясь частью рабочего класса, сталкивается с разнообразными вопросами политической и хозяйственной жизни предприятия и всего рабочего класса. Ей приходится по ним выносить свое решение, иметь мнение. Комсомольская ячейка в своей работе должна стремиться, чтобы рабочая молодежь имела правильное мнение, принимала правильное решение. Она должна заботиться о том, чтобы молодежь активнее участвовала во всей жизни и работе предприятия, умела разбираться в вопросах жизни рабочего класса не только СССР, но за границей, связывала бы свою работу и борьбу с борьбой зарубежных рабочих.

Как же проводить ячейке всю эту громадную работу? Через общие собрания ячейки молодежи, через конференции рабочей молодежи на предприятии и т. д. Но ячейка не может ежедневно устраивать различные собрания да и нельзя. Тут выступает огромная роль клубной работы. Парень после работы, поевши, не сидит дома, он вечером хочет отдохнуть, поразвлечься, и клуб должен его интересы удовлетворить. Получается разделение труда. Ячейка, руководя активною рабочей молодежью на заводе, защищая ее экономические

интересы, в клубе руководит удовлетворением культурных запросов. Ячейка, которая не уделяет достаточного внимания работе клуба, ведет клубную работу, что не может не отразиться и на других сторонах ее деятельности. Парень после завода, если ячейка не будет ничего предпринимать в клубе, если там не будет ничего устраивать для него, пойдет на улицу, откуда недалеко до пивной, вечеринки и т. д. Клуб-юношеские секции должны организовать его вечерний досуг.

Как и что юнсекция должна делать?

У нас в работе юношеских секций рабочих клубов принято, что должны организовываться доклады лекции и т. д. Это неверно. Доклады и лекции должны быть, но всему должна быть мера. Ведь парень хочет и повеселиться, и поиграть и т. д., а у нас на это мало внимания обращают. Развлечениям, играм, отдыху, живым формам работы, у нас мало уделяют внимания, и поэтому часто молодежь уходит из стен клуба и ищет удовлетворения своих потребностей.

Где?

В лучшем случае это будет шатание по улице с девочками, чаще вечеринка с пьянкой, кое еще с чем до рассвета.

Мало обращают внимания наши юношеские секции на воспитательную работу. Совершенно не ведется никакой работы вокруг таких вопросов, может, и мелких, но имеющих громадное воспитательное значение, как борьба за чистоту, за аккуратность, борьба с антиобщественным отношением к имуществу клуба. А между тем нигде этой работы легче и лучше не провести, как в клубе.

Побольше в юнсекции воспитательной работы, меньше учебы! Клуб —

школа. Часто бывает, что комсомолец в клубе обнаруживает очень некомсомольские привычки: он, не говоря о том, что никогда не зайдет в читальню, в общей комнате клуба возней портит мебель, ничего не делая, шатается по клубу, приставая к девочкам, занимаясь ухаживанием. Говоря о таких комсомольцах, нужно сказать, что у нас также часто можно видеть ребят беспартийных, представляющих полную противоположность комсомольцам — они и в библиотеку заходят и в клубе ведут себя, как следуют. Ячейка должна учесть эти явления и в своей работе их устранить.

Беспартийным ребятам — клубистам нужно разъяснять необходимость вступления в комсомол. В одном из московских клубов над одним парнем, не вступающим в РЛКСМ, был устроен полицейский суд для многих для ребят, работавших в клубе и не вступающих в комсомол. Он подтолкнул их к вступлению.

Наши ячейки между тем мало обращают внимания на то, что в клубных кружках занимается много молодежи, не состоящей в комсомоле. Часть из нее, очень хорошо настроенная к партии и союзу, часть просто актеры, музыканты которые больше ничего не хотят.

Ячейка должна лучше часть этой молодежи вобрать в себя.

Надо обратить внимание на следующее явление: комсомолец, ничего не делая на ячейке, хорошо работает в клубе и наоборот. Здесь ячейка должна путем докладов о работе ребят искоренять это явление, чтобы парень не отрывался от работы в ячейке.

Вся работа должна идти совместно, под общим руководством правления клуба. Юнсекция должна вносить на правление вопросы о работе того или иного кружка, и, поскольку она знает больше нужды молодежи, добиваться постановлений, необходимых для правильной работы кружка. Не обособляться, а строить свою работу так, чтобы, удовлетворяя запросы молодежи, помочь правлению вовлечь взрослых рабочих.

Или пивная.

СТРАНИЦА ЮНОСТИ

КИРПИЧНИКИ

Завод «Красный Боевик» Тамбовской губернии.

ЕЩЕ ИЗДАЛИ виднеются его трубы. Одна большая — от гофманских печей стоит сиротливо, облако дыма еще не колыхается над ней, потому что только началась выработка кирпича, — не обсох. А другая — машинного отделения, знай себе отплевывается котлом.

По сходящим таскают рабочие и работницы кирпич в вагоны. Мельнают и ребячьих фигуры. Трудная работа на погрузке. Парно так и осыпался, словно галчата: «Кой чорт они нам фартики не дают, по 1½ пуда таскать кирпича, весь поворзешся, да поговорили бы в конторе, может, нас на рамки или на вагонетки переведут, а то работа трудная да и непосильная.

Вот ночью пришло 20 вагонов, мы грузим, а как придет 15, нас отшибают, и выходит, один день работаешь, а 3 дня грузи окочалываешь». Ребята все покрыты красной кирпичной пылью. Другое дело — на рамках или кирпичач. Там отвозят вагонетки, наполненные только что выработанным кирпичом, — работа тоже не легкая, особенно когда напрягаешь все силы, везешь вагонетку на уклон. Но все же здесь не так брызвешься одежу, потому и просятся парни о переводе. И долго слышится: «Вот, если бы на вагонетки!» А тут приходит цехуполномоченный: «Ребята, на общее собрание! Нехота, по одному, собираются ребята на парадное крыльцо кирпичной конторы. Парни и девушки, — собралось их более ста, в большинстве из деревень.

Тяжелые условия недорода в Тамбовской губернии заставили многих оставить родную деревню. Слова ячехового докладчика о работе комсомола среди рабочих молодежи падают на нетрунную еще почву. Рассеиваются ребята медленно, но все же расшевеливаются. Большое оживление внес вопрос о создании в цехе красного уголка.

Когда после гудка стали расходиться, то галдели деревенские. «Вы бы из ячейки почаще заглядывали к нам, кирпичникам, потому что на механическом заводе у вас более просвещенный народ, комсомольцы». И чувствовалось, что, оторванные от глухой деревни, они, эти рабочие «новички», окунулись в бурную волну комсомольского «бития». И рано ли, поздно ли эта волна захлестнет их своим бурным разливом.

А. АСАФЬЕВ

ЗА МОНАСТЫРСКИМИ СТЕНАМИ

КЛУБ ШУРИТСЯ своими поряженными от старости воротами на большую базарную площадь. Низкие монастырские стены под нависшими деревьями, и никак нельзя предположить, что за ними находится:

«Литий Клуб ЛКСМ Петрики»

На воротах пято от афиш. Низкая дверь — (контроль согласившей помещателю) и мы в клубе.

Постепенно опускаются сумерки. Засветилась вывеска на клубе. Со всех концов к клубу стекаются группами шевиники, махра, металлисты и т. д.

Читальня быстро наполняется. Читают стихи, иногда где-нибудь на кончике скамейки, держа книгу или газету на весу. К единственному фонарю, как бабочки, подлетают толпами и опять уходят все новые и новые. На сцене кружок репетирует. Со всех сторон головы под занавес просовываются — поглядеть охота.

Поздно расходится — буда сонную тьму города. Это в будни. Но в другие дни иначе.

Комсомольцы.

КИНО

ВСЕ ЗНАЮТ — кино — по пятку. У ворот морозяники, торговая фруктами толпятся. Клуб улема гулит.

Попадают все новые и новые. Сегодня публика разная — как в будни: тут и барышня с «кавалером», и «кустар с семейством» — всех гривенник превышать (да не членов кл. и КСМ).

Темнеет.

Скоро началось.

«Держи карман!» — на афише в 9, значит с комсомольской точностью в 11».

Варуг тлушат сает.

«О-о-о-о слышно со всех сторон.

Дурят! — это скептик-авестидей клуба.

И впрямь — опят лампочка испльнуаа — жди. Начала. В темноте крики — «лови!» — «Смык, держи!».

«Вот он!» — это зайцев, что через проволоку ледут.

В часе 12, позвонил первого домой.

Вот кусочек жизни в нашем клубе. Мы привыкли к нему, клуб да нас, как родной дом, и поэтому мы чувствуем себя в нем так свободно.

МАРК ВАХОВСКИЙ

ДОРА ИЗ ЧАЙНОЙ

ТО ЛИ ВОЕИМОРОВ встречать ходила, то ли по случаю годовщины Красного флота шествствие было по улице, как сейчас, а накануне мое прильскла девушка в красной косинке. Она шла в первых рядах среди молодежи одного из месткомов грузчиков.

«Да ребята же... товарищи... Ну, подтяните же... не зелья же так...»

И, бегая среди свившихся рядов, она каждого в отдаленности тормонила и упрямилана ходить «как люди!».

И минут через пять — я поразился: бежаберная, наступавшая друг другу на ноги, толпа превратилась в стройные ряды. Дружина «Молодая Гвардия» повисела по улице. А красная косинка, убедившись, что все «как полагается», успокоилась и затопала каблуками в ногу с остальными. Тут только я узнал в ней Дору из чайной месткома грузчиков.

Четвертого тому назад Дора — 15-летняя девчонка. Спринжая под машинку, она напоминает худого мальчишку. Она — самая молодая из всех подвалявших в тракторе. И все почему-то вполне уверены, что именно ей полагается выполнять всю самую грязную и утомительную работу. День ее начинается рано. Девка еще спит, темно, а Дора уже бежит с зального конца Молдавынки в свой трактор с вывеской:

ЧАЙНА МИСКОМА ГРУЗЧИКОВ».

ДОРА знает — опоздать нельзя. Ожидает куб. Нужно его растопить и поддерживать до тех пор, пока он не начнет урчать и плескаться паром. А закипит, нужно бежать к буфету, стаканы переполнять кипятком.

— Дора, а дворницкая подыма?

«Дворницкая» — это по-старому. А по-новому — «буржуйский мусок».

— Дворницкую? Не ет... А разве моя очередь?

— Ты на тебе... Она еще спрашивает... А когда ее твои очередь? — перерываеавет буфетчица.

Дора бросает на стойку полотенце и бежит подметать порядком заляпанную «дворницкую».

Часам к шести утра начинают сходиться «гости»: грузчики, мерщики зерна, возчики, извозчики. Дняные залы наполняются шумом, звоном стаканов, махорочным дымом и хлесткой, тяжелой и привычной руганью. Возчики приносят с собой еще и густой, острый запах конюшни и конского помета.

Вечю хмурые, убитые «кажорным трудом», грузчики и возчики никогда не хотят ожидать.

— Гони парочку чаю чаю...»

— Да всевай, мать вашу туза и обратно... На работу итнть...»

А Дора на шедула задул одна — хоть разорвется. Полниласе синие платные эжементу мелькает то ва кудило, то к буфету. Зенит чайника. Горный пар обжигает руки.

— Эа, Дора, брось там шарки крутнть... Вагоны ждут.

А поздним вечером, когда уходит последний посетитель, работа для Доры все еще не кончена: чайники, розетки, стаканы со столов сами к буфету не перекочуют. Да и помить их нужно. И только часом в 10 можно поспешать на свою Молдавынку.

КОГДА Дору в комсомол привилили, на собрания не то предлажон:

— Дать ей стаж... шесть месяцев... для либкеву.

Но другой добавял:

— Да у ней уже ет стаж... В чайной, котгорий.

Никто не возражал.

Так стала Дора комсомолом, и сколько радости и жизни теперь в ее бодрой, красавеловой фигуре, шагавшей рядом с рослыми молодыми грузчиками.

Г. ШПОЛНЯНСКИЙ

ПИЩА БУДУЩЕГО

Н. ГЛОБА-МИХАЙЛЕНКО

РАЗМНОЖЕНИЕ человечества идет неуклонным темпом. С каждым годом становится все теснее жить, с каждым столетием заметна эта теснота.

Триста лет назад слово «эмиграция» — не существовало, выселялись из Европы лишь авантюристы, жаждущие приключений. сто лет назад движение в новые страны существовало уже, но не носило стихийного характера, как в наши дни, когда тысячи тех, кому «тесно» на родине: итальянцы, шведы, немцы, славяне и т. д., грузятся живым грузом в трюмы океанских кораблей и едут в далекие страны искать свое право жить.

Средние века знали только идеологическую эмиграцию: евреи, бежавшие из Испании от ужасов инквизиции, протестанты, выселявшиеся из Франции во время религиозных гонений и т. д., в наш уже век эмиграция основывается также и на материальной почве: «хлеба». Мир испытал уже в незапамятные времена стихийное расселение народов, — это было тогда, когда равнины Средней Азии — «колыбель народов» — стали тесны для размножившихся людей, и они густой лавиной выливались в течение веков на все 4 горизонта: к югу, северу, западу и востоку.

Но тогда вся земля была в распоряжении ищущих. Теперь же все открыто, почти все исследовано, почти все заселено.

И человек бросается даже в мрак полярной ночи, чтобы открыть новые ходы и новые пути для нарождающегося нового великого переселения народов.

КАК РАССЕЛИЛОСЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО расселилось не по степени плодородия разных стран, а в зависимости от близости к «колыбели народов» — Азии. Поэтому

Плотность современного расселения народов.

Европа — 26%⁰ Южная Америка — 14%⁰
Северная Америка — 14%⁰ и Австралия — 14%⁰
6%⁰. В настоящее время плотность расселения народов очень далека от этой нормы.

ЧТО ГРОЗИТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ЧЕРЕЗ 300 ЛЕТ

ЕСЛИ бы разделить в настоящее время всю площадь обрабатываемой земли между людьми, то на душу пришлось бы 60 кв. метров — говорят статистики.

При неуклонном росте населения через 300 лет на каждые 50 человек придется едва лишь 49 кв. футов, или 17 кв. метров, а на человека около 1 кв. фута, или 1/3 кв. метра.

Войны, эпидемии, катастрофы уносят тысячи человеческих жизней, но все же рождаемость превышает смертность. И угроза перенаселения земного шара начинает озобоивать ученых всего мира. Ищут выхода и нашли его в лозунге:

„ЖИЛИЩЕ — В ВЫСЬ, ПИЩА ИЗ ВЫСИ“

НЕБОСКРЕБЫ вошли уже в быт. О них много говорить не приходится. Приведем только новые планы строительства Америки, намеченные к 1950 году.

К этому сроку предполагается перестроить все американские города по одному плану. А именно: кольцо садов, парков, озер, вокруг жилищного ядра, возносящегося на 1/2 мили в воздух.

Городское движение предполагено в 4 этажа: наземный — для пешеходов, 1-й подземный — для тяжелого транспорта, 2-й подземный — для автомобилей и 3-й подземный — для электрических железных дорог.

Таким образом почти весь городской транспорт уйдет под землю. Магазины тоже уйдут в 1-й подземный этаж, а склады — во 2-й и 3-й.

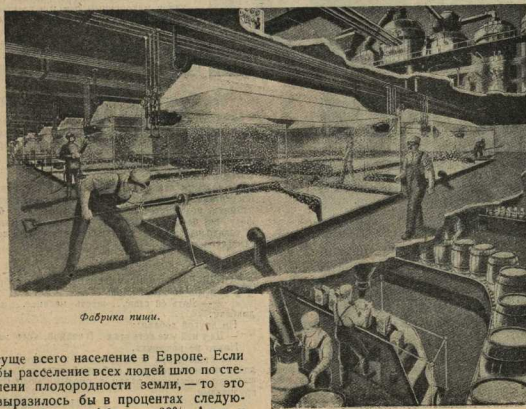
Небоскребы будут сооружены по одному плану: в первых этажах — рестораны, выше — конторы и учреждения, еще выше — школы и далее — жилые квартиры и, наконец, сады. На высоте около полумили воздух будет здоровый — горный; крыши же явятся посадочными площадками для воздушного сообщения и колоссальными стадионами физкультурников.

Дымящихся заводов не будет — сеть электричества, проходящая по кабелям, заменит дымовые трубы 19-го века.

Города перестанут измеряться в квадратных мерах, как доселе, а исчисление перейдет в кубатуру.

ХИМИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ ПИЩИ

И вопрос добывания пищи из воздуха нашел частичное разрешение в отвесах французского химика Бертело. В его лабораторию в Медоне (близ Парижа) колбы, реторты, краны, трубы и рычаги заменили ниву пахара и заводы для добывания крахмала и

Фабрика пищи.

гуще всего население в Европе. Если бы расселение всех людей шло по степени плодородности земли, — то это выразилось бы в процентах следующим образом: Африка — 29%⁰, Азия и

сахара. Он производит пищевые вещества искусственно, подвергая различные газы действию ультрафиолетовых лучей, доказывая этим возможность добывания пищи химическим путем.

В основу опытов он внес положение, что для роста растений не столь важно тепло солнца, как лучи его.

В то время, как дыхание человека или животного и, в связи с этим, рост их поглощает кислород из воздуха и выделяет углекислоту и водяные пары, — растения при питании поглощают газы, выделяемые представителями животного мира, комбинируют их для образования сахара и других веществ, являющихся основой питания человека и животных.

Открытие ультрафиолетовых лучей дало возможность обосновывать научно эту теорию. Под действием ультрафиолетовых лучей водяные пары и углекислый газ разлагаются. Водяные пары превращаются в водород и кислород, а углекислый газ — в кислород и окись углерода. От соединения этих газов получается альдегид или простейшая форма сахара, являющаяся комбинацией кислоты, водорода и углерода.

Идя дальше по этому пути, можно добыть более совершенные формы сахара, вводя в основную формулу новые составные части из воздуха.

ФАБРИКА ПИЩИ

ПЕРВЫЕ опыты по сообщениям печати показали возможность добывания пищевых продуктов, даваемых растительным миром, из газов воздуха.

Важен первый шаг, — усовершенствования придут сами собой.

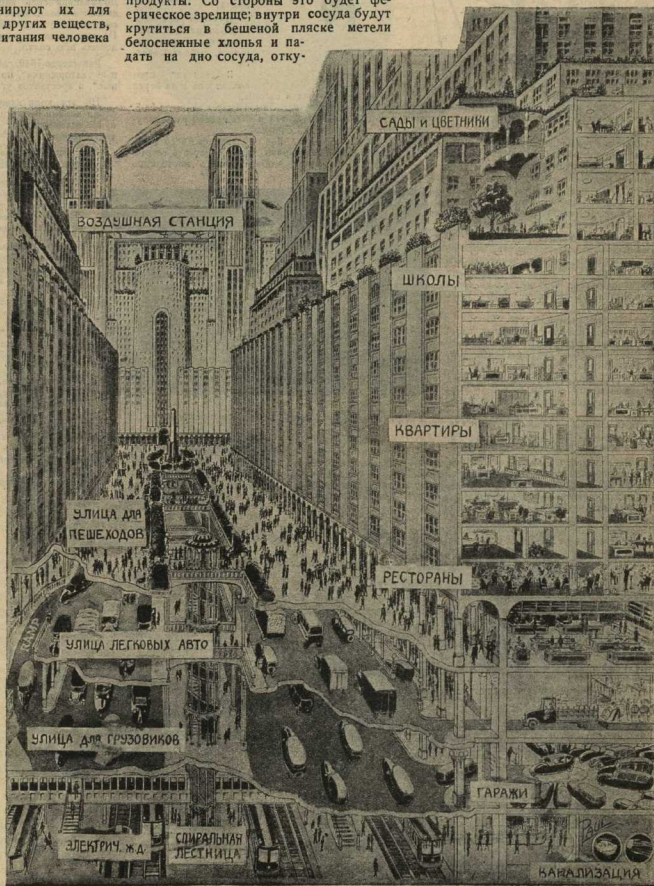
Изобретение мотора со вспышкой дало нам автомобили, тепловозы, авиацию в течение каких-нибудь 2-х десятков лет.

Открытие Бертелло даст, может быть,

нам возможность посетить экскурсий через $\frac{1}{4}$ века пищевые фабрики, где в обширных залах с низкими потолками будут стоять рядами колоссальные стеклянные сосуды. В каждый сосуд через внутреннюю трубку будут проникать газы, — те же газы, которые природа употребляет для образования растительной пищи.

Проникая через верх сосуда, газы будут опускаться на его дно. С потолка будут повешены лампы с ультрафиолетовыми лучами, действие которых превратит газы в сосудах — в пищевые продукты. Со стороны это будет футуристическое зрелище; внутри сосуда будут крутиться в бешеной пляске метели бесчисленные хлопья и падать на дно сосуда, отку-

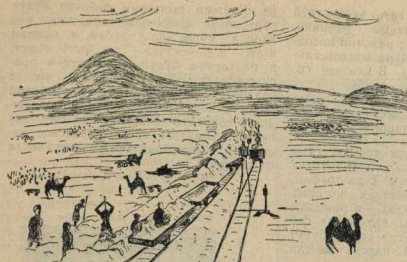
да особыми рычагами рабочие будут сбрасывать полученные кристаллы или хлопья пищи по трубам в нижний этаж — в боченочки. Так, быть может, в недалеком будущем мы будем присутствовать еще при одной победе человека над воздухом. Такие „фабрики пищи“ дали бы человечеству возможность сбросить со своих плеч еще одну отрасль тяжелого труда — сельское хозяйство, и освободиться от зависимости от стихий.

Город будущего.

РОДИНА СОЛИ

Статья В. ЯКУБОВИЧА

Подъезд к Басунчаку.

ВОЛГА. Солнце. Жара. Катятся возы медленно. Шумит вода, впитом вздыбленная. Кругом берега песчаные, голые.

Кочалась луга зеленые, леса и проши, нет уже притоков шумящих. Последняя—Сарду у Сарепты, что сваятся горчица, проехали.

Низовая Волга — рмбой край.

Сеть хлеб невыгодно — земли плохие, да и обрабатывать долго и трудно. Волга мутится корит. Главное занятие сел прибрежных — рыболовство. Рыбу и соить можно, соль под боком только бери.

С Камышина начинаются по левобережью солончакосые степи, соленые озера — царство самосадной соли.

Солью пропитано все: не только озера и земля, а и в воздухе ее не мало — пыль солена.

Присасть Владимировка.

Сотни барж. Десятки буксирных пароходов. Тысячи грузчиков — под тяжестью груза, под палашими лучами солнца, сгибась, грузят соль в баржа.

Соль — «бурья». Целые холмы виднеются у полотна железной дороги. В год вывозится отсюда 12.000.000 пудов.

Солные заводы работают круглый год, превращая соль из крупно-зернистой, твердой, как камень, в мелкую, чистую.

Станция. Ветка железнодорожная, проложенная среди безжизненной степи, соединяет затерянное в степи озеро Басунчак с Волгой. Линия верст 50, не больше, длиною.

Поезд сплошь из вагонов, приспособленных для перевозки соли, медленно тянется, версты отсчитывая.

Одна за другой мелькают станции, «барханы» — Ахтуба, Кочевья, Салочак — скоро конец пути — Басунчак.

Пыль соленая пробилась даже в закуперенные фляжки.

Вода в них приобрела соленый вкус. Но на станции еще хуже — вода теплая, горько-соленая.

Вот и озеро заблело далаи. Видны целые кучи соли, риданы наваленные. Заметны рабочие, колошащиеся черными точками.

На 100 квадратных верст раскинулось озеро. Сотни лет добывают из него соль, но запасов его еще не уменьшилось. Ежегодно дно озера покрывается сплошным слоем самосадной соли.

Новосадки. Поверт ее — небольшое количество чистой и едкой жидкости — рапы.

Под новосадкой залегают т и чугуниной слой соли, а потом уже рыхлая гранатка — лучшая белая соль.

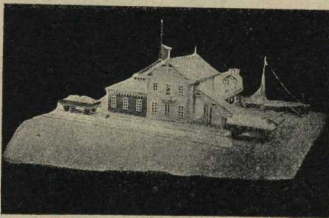
Рабочие закадывают динамитный патрон. Пожигают, Бегут далеко. Баран. Фонтан рапы, глыбы увесистые чугуниной соли, и гранатка открыта.

Кучками острокопанными на помостах деревянные соль сушится, раскладываясь.

В «точках» просохнет она и на берег свозят ее — грузят в вагоны.

Воды на озере нет. Зимой бывает вершков на 8. А летом все испарится и только солой рапы глыбки покрывает дно озера.

«Мертвое озеро». Все поплавающее в него идет. Вет бурьян, сорная трава занесая ветром из степи и теперь, обволакиваясь постелемно

Модель соленоски, сделанная из соли.

кristалами соли, торчит на поверхности озера, напоминая снежную глыбу.

Целыми кучками у берега плавают мертвые жуки, сараяч и др. насекомые, — все они превратилась в мушину.

Из озер: Басунчакского, Зытовского и многих других добывают так называемую самосадную соль, т. е. такую, которая образуется все время, непрерывно отлагаясь в озерах.

Иногда соль залегают в глубоких пластах земли и саваленная со всех сторон превращается в камень. Это каминная соль. Ее добывают как и каминный уголь. Роты шахты и, углубляясь все больше и больше под землю, добывают ее.

Недалеко от Оренбурга в полутора верстах от города Илецкая Зашита находится такие соляные копи. Две шахты, не очень глубокие, ведут в них. Добываемая соль настолько крепка, что из нее делают всевозможные вещицы как из камня. Запасы соли здесь столько, что, добывая ежегодно по 1½ мил. пудов, только в течение 50.000 лет можно добыть всю соль.

Раньше, до 1849 г. здесь работали только соляные «каторжники», но потом стали работать «вольные», а арестантов угнали в далекие края Сибири.

Но эти копи жагутся местными вынуждения перед копейми Илецкой. Они находятся в Галиции, в 11 километрах от Кракова, старинного польского города.

Здесь нет ни голый солончакосой степи, ни «барланов», ни палаших солончакосых лугов.

Зеленые холмы, сады, леса, пашни окружают город Вельичку, который раскинулся на склонах горы. Маленький старинный городок с замком, с францисканским монастырем — памятью средневекья.

Под городом — соляные копи, которые значительно превосходят его. Громадный подземный город, раскинувшийся на глубине 257 метров под землей.

Он имеет «улицы» до 1.200 метр. ширины, с площадями — коалсальными пешерями, своды которых поддерживаются колоннами из соли.

Этот подземный город расположен 6-ю этажами. В них ведут 8 шахт.

Масса униц, холдов, переходов связанных на значительной высоте мостами, расстилается по всем этажам рудника.

Общая длина корридов равна 93 км.

В новых камерах оставляют соляные столбы — колоны, в старых делают деревянные подпорки — на всякой случай.

Старые камеры употребляют под склады соли.

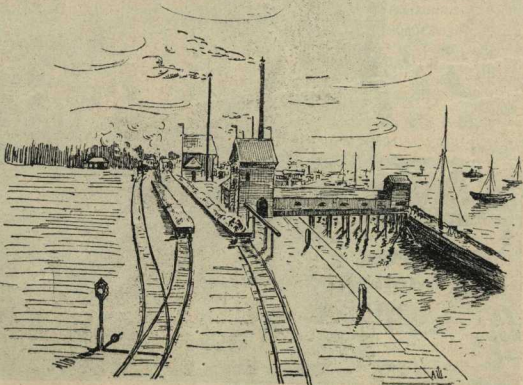
И в этих копиях сказало влияние «господствующей» католической церкви. Из соли сделаны все эти подземные церкви, где все предметы выточен и вырезан из каменной соли.

Колоны, люстры, художественная резьба стен и потолка — все соляное.

Запасы соли Вельички неисчислимы — ежегодно ее добывают около 3½ мил. пудов.

Соль нужна человеку, как воздух. Только в лице он с'едает ее до 1½ пудов ежегодно. А сколько ее идет для варки, для предохранения от гниения продуктов!

Соль находится не только на земле. Доказано, что она существует и на солнце, и на многих звездах. Она необходима для жизни светлая точно так же же, как и для всех живых организмов.

Вид соленоски.

ЛИСТОПАД

Статья ВЯЧ. МУРАЛЕВИЧА

ЛЕТУ КОНЕЦ. Короче дни. Солнце и среди полдня начинает светить желтоватым, „золотым“ светом, как светило оно весной и летом только рано по утру, или перед самым заходом. Золотыми, красными, даже фиолетовыми пятнами покрываются листопадные деревья—в особенности лапчато-лиственные клены. Тихо, тихо, едва заметно в тихом теплом воздухе падает с деревьев темный, красный, фиолетовый лист и пестрит осеннюю землю...

Почему это происходит? Почему каждую осень приходит грустный листопад, неотвратимый, неустрашимый, как смерть? Какие явления природы скрываются за ним? Это теперь известно хорошо. Известно и то, почему происходит листопад, и что он собой обозначает, и что нужно, чтобы его было.

Почему он происходит? Что красит лист в золото и пурпур, что убивает его и бросает мертвым на землю? Это мы сейчас откроем.

На том конце листового черешка, которым лист держится на ветке, все лето понемногу разрастается тонкая пленочка, которая называется разделительной пластинкой. Когда приближаются холода, она прорастает поперек всего черешка, становится пробковой и очень ломкой. Она ломка до того, что достаточно веса самого листа, чтобы расщепить ее пополам и оторвать лист от ветки. На месте отрыва остается одна половинка пластинки, которая покрывает ранку на ветке прочным рубцом; другая половинка остается на листе.

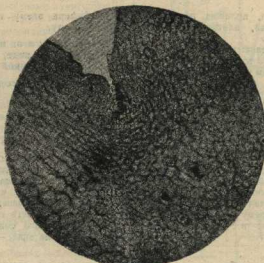
Почему эта пластинка разрастается тогда, когда дни становятся холоднее и темнее, чем летом?

Пока светло и тепло, солнечный луч при помощи хлорофилла в листьях накапливает крахмал; этот крахмал потом становится сахаром и постоянным потоком сахарного раствора опускается в корни дерева, чтобы образовать запасы на зиму и на весну. Из корней идет навстречу этому сахарному потоку другой, который содержит растворы разных минеральных веществ, необходимых для построения тела растения. Эти потоки—из листьев, в корень и из корня в листья—могут идти только, пока тепло и светло. Без тепла нет испарения с листа, а без испарения нет и потока из корней в листья. Без света не образуется в листьях крахмала, не из чего получать сахар, нечему и идти потоком в корни.

Пока светло и тепло, эти потоки идут в разные стороны и не дают пластинке разрастись поперек черешка. Как только становится осенью темнее и холоднее, так сила потоков слабее, пластинке ничто не мешает разрастаться—она разрастается и отрезает лист от родной ветки.

Таким образом виновники листопада—осенний свет и осенний холод.

Они же и красят лист в желтый и красный цвет. Желтизна появляется потому, что исчезает зеленый хлорофилл листа, который в широких листьях листопадных деревьев на холоду работать

РАЗРЕЗ ЧЕРЕЗ РАЗДЕЛИТЕЛЬНУЮ ПЛАСТИНКУ: а) при большом увеличении.

уже не может. А красная окраска появляется потому, что из-под остатков желтой краски листьев (картина и ксантофилла) начинает пробиваться красная—антоциан, которая есть в листе и летом, но не видна под слоем хлорофилла и желтых красок.

Смажьте зеленый и красный лист клена тонким, как папиросная бумажка, слоем воска и выставьте оба листа на солнце. Воск на листе растает—и на красном листе скорее, чем на зеленом. Это значит, что красный лист притягивает больше тепла, чем зеленый, и в красных листьях растению теплее, чем в зеленых.

Значит и здесь, в осенней окраске, виновны осенние лучи и холода. Лучи перестают греть хлорофилл, хлорофилл умирает и открывает запасы темной и красной краски.

По наблюдениям оказалось, что в красных листьях крахмал скорее превращается в сахар, чем в зеленых.

Поэтому ясно, отчего листья краснеют. Без этого дерево в холодные осенние дни не успело бы крахмал своей превратить в сахар, и весною, пока оно стоит без листьев, оставалось бы без пищи, потому что в это время, пока листья еще не развернулись, оно живет исключительно своими прошлогодними запасами крахмала и сахара. Вековой отбор оставил те деревья, которые приспособились в борьбе за существование к этим условиям.

Пользу или вред приносит для дерева опадание листьев?

Через листья у растений испаряется вода. А при испарении воды с тела животных и растений, тело их охлаждается. Оттого потный человек и просту-

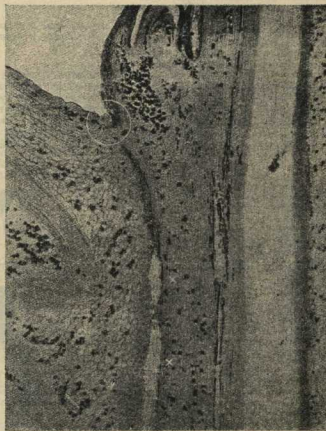
живается легко, а мокрый скоро заболит. Если бы листья оставались на дереве, они только студили бы его осенью, не давая пищи, которую они дают летом на ярком свету и на тепле. Волей-неволей они гибнут сами.

Но почему же ели и сосны не теряют листа? А потому, что лист у них не толще шила или иглы и испарение с него очень слабо; оно легче выдерживает холод и оттого и остается на зиму. Широкий же лист клена или березы остывает больше.

Ну, а если бы зимних холодов не было, то листья клена и березы падали бы, или нет? Нет. В теплых странах, где зимою не холоднее, чем у нас летом, листья с берез, дубов и кленов перестают падать и эти деревья остаются вечно зелеными. Так это и бывает, если их пересаживают куда-нибудь в Италию, Грецию или другие теплые страны. Но там березе и клену слишком жарко и они долго не живут, как же живут от холодов у нас южные лавры, мирты, магнолии и другие вечно-зеленые растения теплого юга.

Таким образом, виновником листопада являются лучи осеннего солнца. Весною они для всего живого являются лучами жизни, а осенью—лучами смерти. Что же, это разные лучи, или одни и те же?

Одни и те же. Вся разница только в их количестве. Весною и летом этих лучей много и они оживляют природу; осенью этих лучей мало, для жизни их не хватает и смерть вступает в свои права. Дело в количестве, а не в качестве—и с этим приходится считаться в природе очень и очень часто.

РАЗРЕЗ ЧЕРЕЗ РАЗДЕЛИТЕЛЬНУЮ ПЛАСТИНКУ: б) при малом увеличении.

ШКВОРЕНЬ В ОТПУСКУ

Фельетон РОМАНА, илл.стр. К. УРБЕТИСА

Эй, няня моря, погуляй-ка и натуральном виде.

— Вот, говорят, хулиган. А я вам скажу, что все это один выдумки райкомовских зануд — больше ничего. Да.

Не верите?
Извольте: я вам все свои потроха, как на ладошке, разложу, и вот вы посмотрите, хулиган я или нет; по их выводит, что да, а по-моему — так пришле кобыле хвост.

Прежде всего — нане вам с кисточкой и разрешите представиться: Ванька Шкворень.

— Впрочем, для кого Ванька, а для кого Илья Павлович; для кого Шкворень, а для кого и Мямринов. Да! Прону помнить. А забудешь, так я тебе, баба, сунуи рот, всю плавательницу... Виноват, увлекся.

Так вот, — какой я хулиган. Вот, скажем, летите время — жара, скука. Скинули штаны, пузом об солнце облокаетесь. Река рядом. Влез. Ну и что. Хулиганство, скажете?

Ничего подобного. По Семашко — свст, воздух, вода.

Так нет же — девочки визжат, почему я промочил виле залез и глаза на зелье пале. Во-первых, говорю, залез потому, что я вас, зануд, считаю равноправными товарищами и никакого у меня к вам половозо чувства не имеется, а во-вторых, говорю, я вас здесь кунаюсь не просия, и, если что, то катитесь кобыской по Малой Спасской.

Важливо отстали одним словом по существу. А оии — на дыбы. Давай меня гнать. Ну, я, в порядке самоощущения, двинул одну — другую легкочню (одна, какись, кисейная соляя через это утонула; ну, я-то при чем!).

Важливо говорю: катитесь отсюда, и чибод духом твоим не лажаю.

Ушел, однако, полежа на солнышке. Скучно. Давай, платки рикошетом кидать.
Опять невдачей угодила по лысине одного какого-то, тот визвал, полез этаким пестуном из воды. «Хулиган!» — кричит.

Я — деру. А на душе у меня обидно. Просия я его лысину под мой платки позворачивать? Иау дальше. Вдруг плавают по реке туша этакая — пудов на шесть, то шаманский наваривать начнет, то пузо греет, на спянку переворотитесь, — одним словом, с водой развратничает. И такая меня злость визвала. Вот, думаю, сунуи кот, виздал недорезанный. Ишь, как Москва-реку поганит; мало в ней — матушке и без того долых кошек плавают.

Во перек, залез я к вам потому, что я вас, зануд, считаю равноправными товарищами и никакого у меня к вам половозо чувства не имеется.

И заговорили во мне перспектив мировой революции. И взеревенился во мне пролетарский дух. И стрелб в охлопу евоинные потречки и прочее барыло, а ябу кривну!

— Эй, няня моря, погуляй-ка в натуральном виде. Покажи-ка свои

протокола по обвинению в хулиганстве тут нечего.

Да!
Я так милиция и сказала:

— Жыбы вы, и зарарги! Вам бы только протоколы писать. Бюрократы!

А оии, вместо того, чтобы к разумной критике прислушаться, второй протокол составили.

И, ведь, надо сказать, что весь у меня опуск (я сейчас в отпуску) этак охладно проходит. И, как сами видите, все это зря на меня сыпалось, только вследствие общей дессоветельности и отсталости. По-настоящему, мне надо было бы отдохнуть во время отпуска. В дом отмыха бы меня. И можно было бы, и даже был я в этом самом доме, только вышла у меня с ним такая плещь.

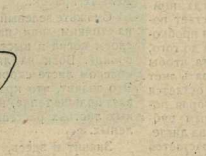
Да я вам по порядку!

баби буфера всему пролетарскому Дороголюбову.

Всело было: я от испача, а он за мной да в голом виде, везде кругом стенание, а я он за мной летит. Пуска.

Однако, мой трюк сорвался, потому что меня схватили безо всякого милосердия и поволокали в милицию. А в милиции посмотрели на меня без всяких перспектив, и только спросили: «Доторый привод?»

Каково мне было слушать такую оценку пролетарского энтузиазма? Правда, с моей стороны была великая ошибка, потому что визвал скучно, зато не совсем визвал, да, наоборот, партияем с третьего гола и председателем райового совета. Ну, так ведь я этого не знал, — и составлял

разнообразия: все встают, а в спячке все спит, а мне жадательно женьским обществом пользоваться. Стая я за одной девочкой от скуки стрелать, она ни да, ни нет. Наконец, реши я с ней напрямик обясниться. Подстерг я ее, что она в парк вышла — а за ней. Она от меня, а я за ней. Только не успел я ее догнать, как смотро, подходит к ней развратной походкой какой-то зашелпа стриженый: цоп ее по руд чухи, и в ключиче нахально подводит, а она зубы сканит.

А мне переговорить необходимо.

Вот я и говорю этому зарарге, этому активисту отбаста, — важливо говорю: Катись отсюда, и чтоб дулом твоим не пахало. А он нахально пикит: «Не пойдут». Я ему опять велжимо: «Катись, а то ного повидергаю». А он еще нахальнее: «Не пойдут». «Как, — говорю, — не пойдешь? Я, можно сказать, собираюсь свое пролетарское сердце виздать, а ты мне такие словеса бормочешь». А он совсем оставанился и говорит: «Отстань».

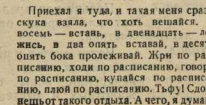
Ну тут уж я не стерпел: цоп его по мосьме, да по другой, да по третьей — ои и повалится. Девчонка ишт повалила да бекать, а я за ней — потому переговорить охота. Она в дверь, а я в окно, в ее комнату залез. Она абгелат, а я дверь на крочок и говорю: «Наконец-то вы один!». А она, по-дурости, и оину. Я ее цоп за руку, она как зарвет, как завизжит: «Спасайте, насилуют!». Ну, весь дом и перебулгачивала.

А я ведь только переговорить хотел. Что-ж, разговаривать нельзя что-ль? За что же мы тогда боролось!

И неужели за это надо выкидывать из дома отмыха?

И неужели можно за это честного, и сознательного парня называть хулиганом?

По-моему, нет.
А по-вашему?..

Однако мой трюк сорвался, потому что меня схватили безо всякого милосердия и поволокали в милицию.

Однако мой трюк сорвался, потому что меня схватили безо всякого милосердия и поволокали в милицию.

Однако мой трюк сорвался, потому что меня схватили безо всякого милосердия и поволокали в милицию.

Однако мой трюк сорвался, потому что меня схватили безо всякого милосердия и поволокали в милицию.

Однако мой трюк сорвался, потому что меня схватили безо всякого милосердия и поволокали в милицию.

Я ведь только переговорить хотел. И неужели за это надо выкидывать из дома отмыха?

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТЕОРОВ.

Метеоры или камни, падающие с неба, имеют почти все больше размеры. Метеоры представляют собой

Метеорит.

осколки небесных тел, разлетевшихся на куски при столкновении друг с другом. Попадая в земную атмосферу, метеоры притягиваются к ней силой тяготения и, падая со скоростью 50 километров в секунду, накручивают оболочку расплавленного. Ученые исследуют следы и грязь с наружной стороны и исследуют горные породы улавлившей глыбы. Эти исследования показали, что и другие небесные тела имеют почти тот же состав, что и наша земля. Самый метеор упал этой весной на выгоде города Виллетт в штате Орегон и вызвал не мало переполоха жителям.

Для остановки метеору требуется почти несколько дней. Ребята Виллетт с интересом наблюдали весь метеор до прибытия ученых.

ВЕТРЯНОЙ ДВИГАТЕЛЬ.

Англичане завелись усидчиво вопросом разработки способов использовать энергию ветра. Из числа многих проектов пришедший на ум привлек внимание целесообразным.

Металлические пластины ветряного колеса имеют форму — как у тарелки — форму. Обод, охватывающий эти пластины, удерживает воздух и превращает образование, так называемых «концов», заменяющих датчики в обыкновенного типа ветряных мельницах.

СОЛНЕЧНЫЕ ПЯТНА И РАЗНОЖИЕ ЖИВОТНЫХ.

Казалось бы, какое отношение между солнечными пятнами и красотой природы. Но на деле какое-то зависимость существует. Первоначально, при увеличении числа темных пятен на солнце — согласно наблюдений, которые регулярно производились в течение 150 лет, атмосфера земли испытывает большие нарушения. Это происходит примерно каждые 11 лет и сопровождается понижением земной температуры воздуха, дождями, градом и штормами на океанах. Записи о гонимых компаниях Северной Америки показывают, что число добываемых диких животных уменьшается в годы наименьшего количества темных пятен и солнце. И обратно, в годы максимум солнечной активности замечается понижение рождаемости среди животных в тропические районы в растительном мире.

«ЛУЧШИ ЗДОРОВЬЯ В ЗООЛОГИЧЕСКОМ САДУ».

В Лоповском Зоо-саду сделано интересное наблюдение. Умывая животных очень вредно на здоровье тропических птиц и зверей. Птицы чахнут, перестают принимать пищу, если после купания с ними бывает прохладно, и быстро умирают.

Установка «искусственного солнца» при помощи приборов с кварцевыми стеклами в отличие плавильного сразу покрывает все большие площади. Как известно, стекла из кварца пропускают ультрафиолетовые лучи, которые обыкновенные стекла не пропускают.

Эти торпеды ползут в часть плавильного, освещенного лучами этих ламп, и сразу становятся эластичными, когда свет тушат.

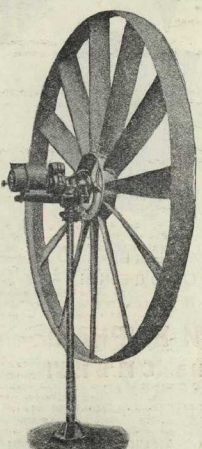
ЭКСПРЕСС САХАРЫ.

Пустыня Сахара частично перерабатывает железной дороги, и там, где некогда медленно шествовали караваны, несущая два раза в неделю скорые поезда и автомобили от Алжирского побережья до Тамбукуту на западе Африки. Путь от Паржа до Тамбукуту требует 12 дней.

После переезда по Средиземному морю пассажир углубляется в пустыню, делая путь на поезде, в тракторных автомобилях и моторных лодках по реке Нилу. Для защиты от частонравственно настроенных в отношении европейцев племен пустынь все поезда снабжены скорострельными пушками.

ЧТО УВОЗИТ ПАРОХОД ДЛЯ КУРГОВСВЕТОГО ПЛАВАНИЯ.

Американцы высчитали количество провизии, возможной большим пароходом для дальних дорог. Этой провизии было бы достаточно для провоза на расстояние населения людей столицы мира в течение нескольких дней. Не считая той провизии, что пароход может взять в любом порту, на борту его увеличат: 42 тонны говядины, 12 тонн баранины, 4 тонны телятины, 50 000 устриц, 60 тонн картофеля, 51 000 птицы (кур, уток, индюков и яичи). Для выпечки хлеба и пирога вытратят 500 тонн муки и, сверх этого, 2 600 мешков с сухими пшеничными. Ветчины свыше 20 000 фунтов и 180 000 яиц Молоко, сливки, жиры и т. д. не уступают ничем этим цифрам.

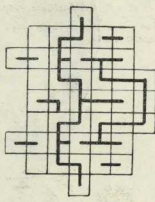

Ветряной двигатель.

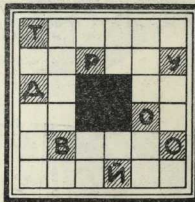
РЕБУС № 23.

ЗАДАЧА № 26.

ЗАДАЧА № 14.

№ 25. ЛОГОГРАФ.

Н. Н. С.

С «Х» — по дремуче — бумага,
С «П» — чей привлек, мощь, отага,
Напишала странный быч.
Основа ее Ильич.

ЗАГАДКИ-ШУТКИ.

- 1) На какую букву полковы льбы, получи к уловный знак.
- 2) Как молотком можно прибить к др. месту место, чтобы получить больше плодов?

Сорк из кладарина, составляющих эту фигуру, расположить прямоугольником (в три ряда по 14 квадратиков) так, чтобы из линий, находящихся на квадратиках, составилась фамилия известного марксиста.

№ 24. АНАГРАММА.

Н. Н. С.

Часть армии возьми,
Приньме ее же полковни,
И справа букву же прочти,
Как чужое едино...
Что полагается — всякий знает,
На мимигах, собранных кто бывает.

СОВЕТЫ В РАЧА

ОТГОД ПОСЛЕ ПОРЕЗОВ ИЛИ ЗАНОЗ У НЕКОТОРЫХ ЛЮДЕЙ БЫВАЮТ НАРЫВЫ, А У НЕКОТОРЫХ НЕТ.

Прежде всего это зависит от чистоты и гигиены. Если порез был на чистой коже, если оружие пореза было не загрязнено, если вы тотчас же промыли рану и прижали ее марлей, у вас все шло хорошо, что загрязнения не будет, следовательно,

не будет и нарыва. Вель нарыш — это есть реакция, ответ ткани на проникновение в нее вместе с грязью заразного микроба. Но бывают и такие случаи, когда после порезания, пореза ранка долго не заживает и начинает гнить. Это бывает у субъектов болыные: где почему-либо ослаблено питание тканей, тут всякая ранка очень долго не подживает и всегда возможно уже более позднее ее загрязнение и гниение.

ПОМОЩЬ ЮРИСТА

КАК ПРОИЗВОДИТСЯ ПРИЕМ БАТРАКА В КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

И. Славскому. Согласно «Временных правил об условиях применения пособияемого наемного труда в крестьянских хозяйствах», утвержденным Совнаркомом СССР 15-го апреля 1925 года, при найме батрака в крестьянское хозяйство землевладелец и батрак должны заключить между собой письменное соглашение. В этом добровольном соглашении должны быть определены условия найма. А именно: на какую работу и на какой срок приглашается батрак, за какую плату, в каком виде и в какие сроки она должна выплачиваться; сколько

часов должен работать батрак, а также и другие условия, какие добровольно условятся включить в свое соглашение батрак и землевладелец. Рабочий день определяется соглашением. В отдельные сельско-хозяйственные периоды (например, в летнее время) допускается и удлиненный рабочий день (т. е. свыше 8 часов). Письменное соглашение подписывается землевладельцем и батраком и должно быть в позднее 2х недель с момента найма батрака на работу зарегистрировано в сельсовете или Волостном. Регистрация найма должна производиться бесплатно. От имени батрака соглашение может быть подписано представителем профсоюза Всероссий-

Цена №-ра 30 коп.

КОМСОМОЛЬЦЫ
РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ
ПОМНИ:

СМЕНА—ТВОЙ ЖУРНАЛ!

Подпишись на СМЕНУ!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ:

На 12 мес.—24 №-ра 5 р. 60 к. На 3 мес.—6 №№. . 1 р. 55 к.
6 —12 — 2 — 95 — 1 —2 — 60 —

Подписку направлять в Из-во «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»,
Москва, Новая площ., уг. М. Черкасского пер., д. 6/7.

